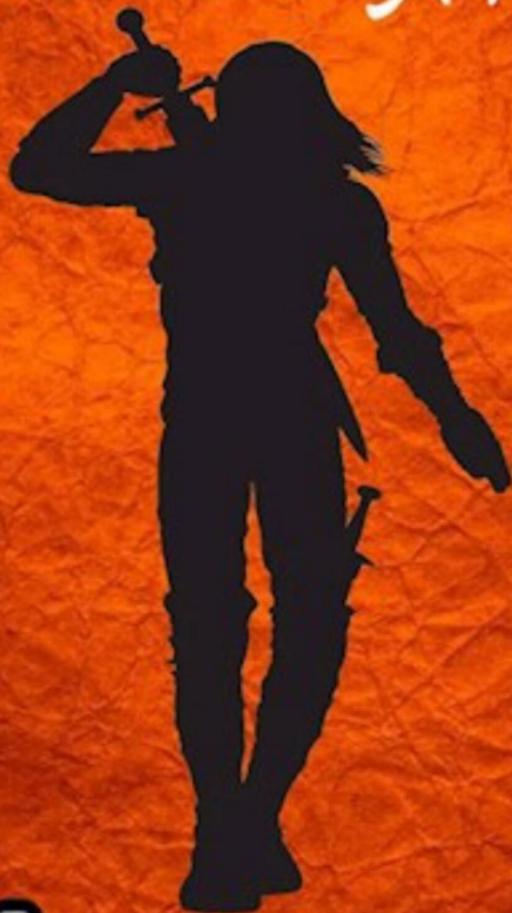

Алекс Рудин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Немой

Охота на нечисть

Алекс Рудин
Немой. Книга 1.
Охота на нечисть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69566923

SelfPub; 2023

Аннотация

После смерти я очнулся в теле нищего немого сироты. Охренительный второй шанс, твою мать! Для начала придётся раздобыть себе хоть какие-нибудь штаны. И при этом не получить файербол в голую ж...пу. Герои ругаются матом, грубо шутят, творят тёмную магию и много убивают. В общем – не соскучишься!

Содержание

Глава 1: Обезьяна с гранатой	5
Глава 2: Демоны и мыши	19
Глава 3: Яйца колдуна	34
Глава 4: Кошачья радость	49
Глава 5: Змея и палач	63
Глава 6: Шпионы и призраки	78
Глава 7: Глаз кузнеца	93
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Алекс Рудин
Немой. Книга 1.
Охота на нечисть

Глава 1: Обезьяна с гранатой

Капсула шлёпнулась на поверхность. Со звонким щелчком отстрелился парашют.

– На выход, парни! Живее! – заорал сержант Кнайп, бешено вращая глазами. Когда сержант злился или нервничал, глаза у него вылезали из орбит. За это мы между собой прозвали его Лупоглазым. Тупой как-то назвал сержанта Лупоглазым в лицо и тут же огрѐб перелом челюсти и неделю чистки сортиров после возвращения из лазарета. Но Тупой – он на то и Тупой, чтобы огреть.

Когда мы приземлились, деревня уже догорала. Орбитальные бомбардировщики долбанули по ней парочкой ракет и ушли дальше кошмарить городишко, который местные рудокопы превратили в настоящую крепость.

Шахтѐры совершенно не желали понимать, что им выпала великая честь добывать иридий во славу Демократии. Они требовали восьмичасовой рабочий день, пенсию и свежую еду вместо брикетов и витаминных коктейлей. Вообще охренели!

Чтобы привести их в чувство, командование отрядило в это захолустье целую эскадру вместе с десантными кораблями. А всё потому, что хотело сохранить иридиевые шахты. И хотя эскадрой командовал целый адмирал – над ним поставили штатских советников. Чтобы флотские, не дай бог, не

разбомбили что-нибудь ценное.

На землероек всем плевать – навезут новых с других концов Галактики. Но иридиевые шахты – это ценность. Это очень большие деньги, и Демократия не собиралась терять их.

Поэтому самопальные укрепления и посёлки землероек накрыли точечным огоньком с орбиты, а на зачистку кинули десант.

Мы натянули шлемы и посыпались из капсулы, как горошины из стручка. Рассредоточились и залегли, чтобы противник не накрыл нас огнём. Но то ли местные прощёлкали, то ли накрывать было просто нечем. Из дымящихся развалин никто не огрызлся.

Вовсю воняло горелым деревом и мясом. Рядом приземлялись остальные десантные группы.

– Внимание, группа! – раздался в наушнике голос сержанта. – Заходим цепью с севера и движемся к центру деревни. Увидели шевеление – стреляйте сразу, не ждите стрелу в брюхо.

– Стрелу? – удивился кто-то. Да какого хрена – кто-то? Это, конечно, был Тупой.

– Да, Тупой, стрелу! – заорал сержант. – Или копьё! Или ковшом экскаватора по тупой башке! Тебе что больше нравится?

Я представил, как зрочки обезумевшего сержанта царапают изнутри стекло шлема и хмыкнул. Но про себя, чтобы

сержант не слышал.

– Мне бабы нравятся, – мечтательно протянул Тупой.

– Сука! – заорал сержант. – Сгниёшь в сортире, если выживешь! Взвод! Цепью, вперёд – марш!

И мы пошли в деревню.

Я старательно крутил башкой во все стороны, как и положено по Уставу. Прицел шлема автоматически определял расстояние до развалин, стоило на долю секунды задержать на них взгляд. Тепловизоры не работали из-за пожара, и сержант приказал отключить их, чтобы не забивали картинку. Датчики движения то и дело сбивались из-за клубящегося дыма. Приходилось полагаться только на собственное зрение, но это – нормальное дело.

Я увидел, как что-то шевельнулось в тёмном проёме закопчённого дома, и немедленно выстрелил из подствольника. Граната угодила точно внутрь проёма. Взрывом руины подбросило в воздух, они на мгновение зависли и грудой рухнули на землю.

– Макс, что там у тебя? – спросил сержант.

– Подозрительное движение в развалинах! – чётко доложил я.

– Проверь, только осторожно. Тупой, прикрой Макса!

Вот спасибо, сержант! Удружил, так удружил!

– Тупой, я к проёму. Держись слева и не подстрели меня!

– Не ссы по ляжкам, детка! Десант рулит!

Блядь, он и вправду тупой!

По дуге обходя развалины, я осторожно двинулся к проёму. Я шёл так, чтобы ни в коем случае не перекрыть Тупому сектор обстрела. Этот завалит и сам не поймёт, что случилось.

Таким дебилам в десанте делать нехрен. Но начальство всю отбивало денежки, потраченные на подготовку личного состава. Из десанта уходят только на пенсию по ранению, или в могилу.

По Тупому плакала могила. Он прощёлкал местного. Тот выскочил откуда-то из-за соседнего здания и рванул ко мне с ломом наперевес. С ломом, блядь!

Я развернулся, с ходу лоя нападавшего в прицел, и тут мне прилетело в шлем. Судя, по оглушительному звону – из дробовика. Шлем выдержал, но я словил нокдаун и завалился набок.

Подскочивший местный попытался провертеть в моей груди дыру своим оружием. А Тупой, вместо того, чтобы снять его, принялся от души поливать плазмой развалины, из которых рывкнул дробовик.

Лом не мог пробить нагрудник, но удары прижимали меня к земле, не позволяя подняться. По отчаянному лицу местного я видел, что терять ему нечего. С такой оскаленной рожей идут только на смерть.

Я отбил лом стволом плазмогана, и стальной наконечник

проскрежетал по нагруднику. Шахтёр завалился прямо на меня. Я ударил его левой рукой в висок, свалил и выстрелом в упор разнёс башку. Кровища брызнула, заливая стекло моего шлема.

Тупой, радостно вопя, превращал развалины в труху. В ход пошла не только плазма, но и гранаты.

Я оторвал полу шахтёрской рубахи и протёр стекло шлема. В наушниках надрывался сержант:

– Макс, что там, блядь, у вас?

Ладно, с Тупым я разберусь после, на корабле. А сейчас не хрен подставлять товарища.

– Двое местных, оба уничтожены. Потерь нет.

Ведь уничтожены, Тупой? Ты же завалил этого гада с дробовиком?

Видимо, сержант тоже усомнился.

– Тупой! Доложи, что видишь?

– Гы, – доложил Тупой. – Ни хрена не вижу. Я тут всё разнёс! Пылища столбом.

– Сука, – выругался сержант. А потом допустил ошибку. Он решил сам проверить, что у нас, и рванул напрямую.

Тупой увидел шевеление в клубах пыли и от души засадил туда гранату. В наушниках надсадно завывало:

– Су-у-у-ка!!!

Слава Демократии, сержанта не разорвало на куски, а только посекло осколками. Он так орал и матерился, что я

чуть не оглох.

Перевязав сержанта, мы всё-таки закончили зачистку деревни. Уцелело только одно здание на бывшей центральной площади. То ли кабак, то ли бордель. А может быть, и то, и другое вместе. Ракеты обошли его стороной, а группа зачистки решила поиграть в индейцев и не стала крушить здание гранатами. Они проскочили внутрь, пристрелили мужика, который прятался за стойкой и обнаружили солидные запасы местного пойла. Попробовали поискать девок, но те куда-то попрятались.

К тому времени, как мы доволокли сержанта до здания, первая группа уже успела снять пробу.

Тупой стянул шлем, и я от души звезданул ему прикладом в зубы. Он отлетел в угол, а глаза его стали похожи на металлические шарики.

– Добавь от меня, Макс! – простонал сержант. – Только не убей. Я сам зарою эту тварь.

И тут ошибку допустил я. Я сказал:

– Хватит с него. На корабле разберётесь.

Местное пойло оказалось кислой вонючей брагой. Судя по запаху, её сделали из витаминных коктейлей, добавив туда какой-то местной хрени.

С зачисткой мы управились быстро. Раненых не было, кроме сержанта. Транспорт за нами пришлют только к вечеру. Так почему бы не отдохнуть после хорошо сделанной работы?

Мы выпили по первой за успех зачистки. Потом по второй – за десант. Потом по третьей – за тех, кто не долетел.

– Эй, дайте и мне выпить! – провякал из угла Тупой. Его глазки нехорошо поблёскивали.

– Хрен тебе, – равнодушно отозвался я. Злость уже прошла. Да и Тупому теперь конец, нет смысла на него агриться. Я сделал глоток браги. Кислая жидкость комком прокатилась по пищеводу и упала в желудок. Ну, нормально. По сравнению с той бурдой, которую из-под полы продаёт корабельный кок – просто нектар богов.

– Дайте выпить, суки! – громче повторил Тупой.

Я половчее перехватил плазмоган и направился в угол. Сейчас ты у меня выпьешь, тварь!

Я сделал шаг, и между ног у меня прокатилось что-то круглое и твёрдое. По инерции я шагнул ещё и увидел, что порсячьи глазки Тупого злорадно блестят.

– Жадный Макс! – сказал он, облизывая губы.

– Тупой, сука! – услышал я крики за спиной.

А потом грохнул взрыв.

Я очнулся от голода и нестерпимой вони. Пахло гнилыми овощами и мочой.

Я открыл глаза и прямо перед собой увидел жирную серую крысу. Крыса сидела на задних лапах и деловито уплетала плесневую хлебную корку. Розовый нос крысы смешно

морщился, длинные усы подрагивали. Чёрные бусины глаз внимательно бегали по сторонам.

Справа и слева от меня возвышались глухие дощатые стены, вдоль которых пышно росла крапива. Я лежал в узкой щели между двумя зданиями. Судя по вони, сюда неоднократно сливали помои.

Моя правая рука сама собой метнулась вперёд и схватила крысу. Я стиснул кулак, чтобы придушить зверька, затем левой рукой оторвал крысиную голову. Разорвал тушку пополам и жадно вцепился зубами в тёплое розовое мясо.

Ох, и вкуснятина, бя! Интересно, сколько времени я нормально не жрал? Сутки? Двое?

Я посмотрел на свои руки – тощие, аж косточки сквозь кожу просвечивают. Мышц нет, одни жилы, едва прикрытые тонкой кожей.

Что за хрень со мной приключилась?

Я прекрасно помнил гнилую ухмылку Тупого и осколочную гранату, которая со стуком катилась у меня между ног.

Граната рванула, и я погиб. А теперь очнулся в теле тощего голодного доходяги. Как это могло получиться?

В голове словно что-то щелкнуло. Да так, что я чуть не поперхнулся крысиным мясом. Перед глазами быстро замелькали картинки.

Он был деревенским пастухом, этот парнишка. А куда ещё

пристроить немого выблядка? К работе он не годится – хромой, и не понимает ни хрена. Как-то били его, сломали ногу, а он от страха тронулся умом. И мычит с тех пор, как корова. Вот к коровам и пристроили.

Он пас стадо и задремал на солнышке. А деревенские пацаны ради забавы разогнали стадо. И кнут пастушеский упёрли.

Немой до темноты бегал по лесу, разыскивая отбившихся коров и коз. Не собрал.

Он знал, что за пропавших коров его запорют до смерти. Растянут на бревне посреди улицы, привяжут верёвками и будут хлестать палками по тощей костлявой спине, пока не содохнет. Потому что немых уродов на земле – до хрена, и больше. А корова – это корова. Она молоко даёт и денег стоит.

Он сидел в лесу и негромко подвывал, совершенно не соображая от ужаса – что делать. Потом подумал про волков и испугался ещё больше. Щёлкнут зубами, и нет Немого. И добрым словом никто не вспомнит.

Немой выбрался из леса на дорогу. Долго стоял, не решаясь пойти в деревню. Он вспомнил, как давно умершая мать говорила про дядьку Фому, который служит в Старгороде у князя дружинником. И решил пробираться к дядьке.

Елки качались от ветра и бросали на дорогу страшные чёрные тени. Сердце прихватывало от ужаса. Но он упрямо

шагал, то переходя на бег, то еле плетясь.

Под утро ему повезло – он наткнулся на обоз, который вёз в город сено, репу с капустой и две бочки прошлогодних солёных грибов.

Возчики оказались добрыми – пустили к костру, накормили кашей. Расспрашивали – кто, откуда. Он в ответ устало мычал, мотая головой.

Мужики поняли только, что парнишка – сирота, и теперь идёт в город искать родных. Пожалели и взяли с собой.

На рынке он отбился от обоза и отправился искать дядю Фому. Мама говорила, что дядя Фома служит у князя в старшей дружине. Но где искать того князя с его дружиной?

Усталый и голодный, долго плутал кривыми улицами, пока не вышел к реке. Сбросил штаны и рубаху и полез купаться. Вода ощутимо пованивала – в реку сливали помои со всех прибрежных домов. Он отплыл подальше, на середину. Здесь вонь чувствовалась меньше. Долго плескался, смывая с себя дорожную грязь. А когда выбрался на берег – не нашёл одежду. Упёрли.

До самой темноты он просидел в кустах у берега, сжимая в руке медный кружок с просверленной дырочкой – оберег, который подарила ему мать. Немой всегда носил его на шее, на волосяной верёвочке. Больше у него ни хрена не осталось.

Когда стемнело, он прокрался к домам, в надежде отыскать хоть какую-то помойку и пожрать. Забился в вонючую щель между домами, и здесь вырубился от голода и усталости.

сти. А вместо него очнулся я.

Урча от удовольствия, я жрал крысу, торопливо обгладывая маленькие косточки. И не уследил за тем, что происходило вокруг.

Струя холодной воды окатила меня. Я мгновенно вскочил на ноги.

– Матерь божья, помилуй нас! – услышал я испуганный женский голос и увидел перекошенное лицо замарашки в грязной белой рубашке. В руках она держала деревянное ведро, из которого только что выплеснула на меня помои. Девка вытаращила глаза и раскрыла рот, собираясь заорать.

Не раздумывая, я размахнулся с правой, но девка вместо визга закатила глаза и, уронив ведро, мягко осела на землю. Ну, тем лучше!

Я схватил её за грязные босые пятки и втянул в закуток. Высокая крапива хлестнула по заднице, обожгла. Я зашипел от боли и вспомнил, что совершенно голый. Немудрено, что девка вырубилась! Пошла выносить помои, а увидела голого дохляка с крысой в зубах.

Подол девкиной рубашки задрался, оголив все её нехитрые прелести. Если сейчас сюда кто-нибудь заглянет – хорошенькую картинку он увидит. Я наклонился и одёрнул рубашку. Потом выплюнул крысиный хвост и хотел выругаться.

Вместо ругательства изо рта вырвалось нелепое мычание.

Я попробовал ещё раз. Мычание стало громче, но слова будто застревали в горле. Охренеть! Ладно, с этим разберусь после. Валить надо отсюда, пока не заметили! А куда свалишь без штанов?

Осторожно выглянул из-за угла – улица была пуста. Ветер нёс мусор над дорогой. В пыли возились и кудахтали куры. Над высоким крыльцом избы справа от меня поскрипывала на ветру криво приколоченная деревянная вывеска. На вывеске была грубо намалёвана кружка.

Бля, так это кабак! Понятное дело – откуда ещё может быть столько помоев?

В голове у меня моментально созрел план. Для того чтобы привести его в действие требовались три вещи – удача, терпение и крепкая палка. Я огляделся, но ничего подходящего не нашёл. Ладно, обойдусь.

Я прижался к стене и стал ждать, временами осторожно выглядывая из-за угла.

Дверь кабака громко хлопнула. Оттуда, весело гогоча, вывалилась пьяная компания. Судя по голосам, человек пять, не меньше.

Если они пойдут сюда – придётся бежать, в чём мать родила. И это будет очень хреново!

Но мне повезло – гогочущая компания направилась в другую сторону. Я перевёл дух и стал ждать дальше, от нечего делать, оглядывая своё убежище.

Судя по хрюканью за стеной, рядом с кабаком стоял сви-нарник. Нижняя доска подгнила от мочи и грязной воды, по ней шла свежая трещина. По всему видно, скоро свиньи раз-бегутся.

Девка вздохнула, пошевелилась и захлопала на меня непонимающими глазами. Я погрозил ей кулаком и приложил палец к губам. Она задохнулась от страха и стала медленно от-ползать, упираясь пятками в землю.

Может, вырубить её на хрен?

Но в этот момент дверь кабака снова хлопнула. Я ещё раз погрозил девке кулаком и прижался к стене.

Пьяненький мужик привычно завернул в щель. Он поша-тывался, что-то бормотал себе под нос и уже развязывал те-сёмки на полотняных штанах. Тебя-то мне и надо, родимый!

Я приветливо встретил мужика прямым в челюсть. Потом схватил за шиворот и крепко приложил головой о стену са-рая. Свиньи за стеной встревоженно захрюкали.

После третьего удара ноги мужика подогнулись, и он мяг-ко упал на кучу гнилых очистков. Не теряя времени, я ста-щил с него штаны. Принялся стаскивать рубаху, и тут девка пронзительно завизжала. Бля, ну вот почему я её не выру-бил?

Я подхватил в охапку штаны с рубахой и выскочил на ули-цу. Всё, что мне было нужно – забежать за ближайший угол и там спокойно одеться. Но мой запас удачи на сегодня, как

видно, кончился.

Снова распахнулась дверь кабака. Оттуда соколом вылетел дедок с разбитой в кровавые сопли бородатой физиономией. Дедок рухнул прямо мне под ноги.

Я споткнулся об него и кубарем покатился в дорожную пыль. Ладно, хоть шмотки не растерял! Проворно вскочил на ноги и, сверкая голой жопой, рванул подальше от кабака.

– Держи вора! – громко заорали сзади.

Глава 2: Демоны и мыши

Бежал я странно – боком, словно краб. И подпрыгивал на бегу. Похоже, одна нога у меня была короче другой. Так бывает, если сломанная кость неправильно срослась.

За спиной взвизгивали и орали голоса.

Вдоль дороги стояли обыкновенные деревянные избы. Но здесь, в городе, они жались друг к другу почти вплотную. Высокие заборы тянулись сплошной чередой, а за ними заливались злобным лаем собаки.

Ни свернуть, ни спрятаться! Только и оставалось, что нестись вдоль заборов, стараясь оторваться от погони.

Я бежал, не оглядываясь. Понимал – если остановлюсь, то придётся драться. И, скорее всего, меня убьют. Нет у этого тела ни сил, ни мышечных навыков. С одним противником я ещё как-нибудь справлюсь, но не с несколькими.

Эти уроды очень старались меня догнать. Но они были пьяные и сытые, а я – голодный и трезвый. Поэтому даже в своём жалком состоянии бежал быстрее, чем они.

Длинные свалявшиеся волосы лезли в глаза и в рот. Я отплёвывался на бегу, мотал башкой. Оберег колотил по рёбрам, и я закинул его за спину, чтобы не мешал.

Справа открылся узкий проулок. Я нырнул в него, надеясь, что погоня проскочит мимо. Тогда я успею натянуть одежду, выбегу на соседнюю улицу и затеряюсь.

Двое первых пробежали мимо, и я обрадовался. Но третий, который уже еле плёлся, заглянул-таки в проулок и увидел меня.

– Сюда! – заорал этот жирдяй, и бросился ко мне.

Ну, как бросился? Он пыхтел и с трудом передвигался на своих жирных ногах, а широкая спина не давала остальным его обогнать.

Воспользовавшись этим, я припустил быстрее и увидел в конце проулка сухопарого человека среднего роста в длинном кафтане и треугольной шляпе.

Человек посмотрел на меня и вытащил из ножен узкую шпагу.

Всё, Немой, это звездац! Твоя новая жизнь оказалась трудной, зато короткой. Прости, парень! Я очень старался вытащить тебя из жопы, но не вышло. Такой сегодня день – день твоей окончательной гибели.

Остриё шпаги смотрело точно мне в грудь. Я качнулся на бегу влево-вправо. Шпага без задержки повторила мои движения. Тип в треуголке держал её крепко, но свободно. Я увидел, как он поднимает левую руку и складывает пальцы щепотью.

И тут в голове словно что-то взорвалось. А то, что было потом, я запомнил хреново.

Кажется, я мгновенно уменьшился. Кроме того, упал на четвереньки и дальше помчался на четырёх ногах! И это бы-

ло охренеть, как удобно!

В два прыжка я подскочил к человеку, который показался мне гигантом. Его шпага только начала опускаться. Но я проскользнул между его ног, обутых в кожаные ботфорты и выскочил на улицу.

Слева, заливаясь громким лаем, бросилась собака. Шерсть на моём загривке встала дыбом. Я резко вильнул в сторону, подруливая хвостом, чтобы не кувыркнуться через голову. Хвостом, блядь?

Гигантскими скачками я пронёсся вдоль улицы и нырнул в дыру под забором. Собака кинулась за мной, но её рычащая голова крепко застряла в дыре. А я вспрыгнул на берёзу, которая росла за забором, выпустил когти и проворно вскарабкался на самый верх!

В голове снова щёлкнуло, и я пришёл в себя. Полностью голый, я сидел на самой макушке высоченной берёзы. Макушка раскачивалась и угрожающе трещала. Я посмотрел вниз – до земли было метров двадцать, не меньше!

«Немой, что происходит, блядь?! В кого мы превратились?»

А в ответ – тишина. Словно и не было никакого Немого. Так, глюк с голодухи.

Любопытная ворона заложила вираж вокруг моей лохматой головы и недовольно каркнула. Вот какого хрена ты разоралась? Я твой насест занял, что ли?

Макушка берёзы трещала всё громче. Верный признак того, что пора слезать.

Я уцепился за развилку и, осторожно выпрямляя руки, спустил тело на полметра вниз. Пошарил ногами в воздухе, пытаюсь найти опору. Не нашёл и просто оплёл ногами тонкий ствол.

Бля, вот сейчас-то хвост пригодился бы! И когти!

Но хвост и когти пропали бесследно. Пришлось справляться по старинке.

Я хватался руками за ветки, опускал ноги вниз, нащупывал опору и снова перехватывал руки. Дело продвигалось бодро, пока не кончились ветки. Ближе к земле пошёл толстый гладкий ствол. За него приходилось цепляться изо всех сил, чтобы не соскользнуть и не грохнуться.

Я горячо молился о том, чтобы превратиться в какую-нибудь птицу. Хотя бы в ворону. Ну, а что? Жизнь у них беззаботная – знай, промышляй себе по помойкам.

Когда до земли оставалось пара метров, я разжал руки и прыгнул. И тут же за спиной раздался щелчок.

– Замри!

Меня скрючило лицом к дереву в такой позе, словно я собирался сесть на горшок. Я попытался выпрямиться, но мышцы не слушались – онемели. Я даже глазом моргнуть не мог.

Позади кто-то недовольно хмыкнул. Потом перед самым

моим носом появился кончик шпаги.

– Погляди на него внимательно. Острый?

Ну, острый. И чего?

– Отвечай! – голос стал твёрже.

Как я тебе отвечу-то?

– Ах, да! Извини.

Ещё щелчок пальцев. Я почувствовал, как отпустило мышцы шеи, и закрутил головой.

– Так что, острый клинок?

Я громко и утвердительно замычал.

– Хорошо. Сейчас я тебя отпущу, и ты медленно повернёшься ко мне. Бежать даже не пробуй – не успеешь. И перекидываться тоже не советую.

Да я, бля, и не собирался, если что!

Кончик шпаги исчез. Ещё один щелчок, и тело обрело подвижность. Я медленно выпрямился и повернулся.

Это был тот самый мужик, которого я встретил в переулке. Его холодные серые глаза внимательно следили за мной из-под треугольной шляпы. Под мышкой он держал одежду, которую я стащил у пьянчуги возле кабака.

– Давай, рассказывай – откуда ты взялся?

Вы в Старгороде все такие любопытные, что ли? Ну, вот какая тебе, блин, разница?

Кончик шпаги требовательно шевельнулся.

Я тяжело вздохнул и замычал, изо всех сил помогая себе гримасами.

Мужик удивлённо поднял брови.

– Ты сумасшедший?

Я замотал головой и показал на свой рот.

– Немой?

Я закивал, что было сил.

Мужик озадаченно потёр выбритый до синевы тяжёлый подбородок.

– Надо же, – весело сказал он и нахмурился.

Подумал пару секунд и махнул рукой.

– Ладно! Значит, выбор у тебя такой: либо ты сам одеваешься и идёшь со мной. Либо я накладываю на тебя заклинание и веду силой. Но одевать не стану, уж извини.

Информация показалась мне скудной, и я жестами потребовал разъяснений. Какого чёрта, я этого мужика впервые вижу. Хрен знает – какие у него наклонности!

Я понимал, что сильно рискую. Этот тип одним щелчком пальцев лишал меня возможности двигаться. Но был в моём мычании тонкий расчёт. Если мужик собрался меня похитить – вряд ли он захочет тащить меня голым по городу. Оно ему надо – внимание привлекать?

Поэтому я изо всех сил мотал головой и возмущённо мычал. А сам тем временем сделал крохотный шагок в сторону. Ещё пара таких шажков, и я смогу нырнуть за ствол берёзы. Но мужик был начеку. В его левой ладони загорелся крохотный огненный шарик.

– Не надо, – добродушно сказал он. – Я не хочу устраивать здесь пожар. Думаю, ты заслужил некоторые разъяснения.

Тут он вытащил левой рукой из-за пазухи кружок на синей шёлковой ленте. Оберег, такой же, как у меня. Только серебряный.

– Я – начальник тайной княжеской стражи Василий Сытин. Ты помнишь, как превратился в кота?

Я осторожно пожал плечами. Помнил я хреново.

– Неплохой кот, кстати, – одобрительно кивнул Сытин. – И я хочу выяснить, как тебе это удалось. Мы могли бы поговорить прямо здесь. Но с учётом твоих особенностей, это займёт немало времени. Поэтому я отведу тебя в городскую тюрьму. Там тебя вкусно покормят и выделят удобную камеру. Заметь, бесплатно! Тебе же всё равно ночевать негде, я правильно понимаю? Ну, вот! В тюрьме ты прекрасно выспишься и даже получишь завтрак. А утром я приду, и мы с тобой спокойно поговорим. Идёт?

«Что делать-то будем, Немой?» – проконсультировался я с бывшим владельцем тела. – «Может, ещё в кого превратимся? В мышь, например? Или в таракана?»

Немой молчал, как рыба. Ни картинок, ни превращений. Помер он со страху, что ли?

Делать было нечего. Я поймал одежду, которую кинул мне мужик, и стал одеваться. Рубаха оказалась велика размера на три. А штаны – на все десять. Мужик мне попался упи-

танный, а сам я изрядно отощал.

Я кое-как подвязал штаны верёвочками и натянул рубаху. Рукава висели чуть ли не до земли.

– Повернись-ка, – скомандовал Сытин. – И руки за спину заведи.

Я послушался. Он туго стянул мои рукава сзади узлом. Точь-в-точь, как в психушке.

– Ну, вот! И не надо кандалы надевать. Удобно, а, Немой? Ничего, что я так тебя пока буду звать? Ну, давай, шагай к калитке! Собаку не бойся, не подойдёт.

Вдоль забора мы прошли к калитке. Собака там и вправду была. Здоровенная, мохнатая и чёрная, как чёрт. Она следила за мной налитыми кровью глазами, но пасть не открывала. Только тихо, утробно рычала.

– Хозяева, калитку закройте! – крикнул начальник стражи.

Из дома бойко выбежал худощавый дедок в валенках. Жидкие волосы дыбом стояли над его блестящей лысиной. Растрёпанная борода задорно топорщилась.

– Поймали, значит, демона, Василий Михалыч? – радостно обратился он к начальнику стражи.

– Поймал-поймал, – добродушно ответил тот.

Дедок, забежав вперёд, сам отодвинул тяжёлую щеколду и распахнул калитку.

– Проходите! – поклонился он начальнику стражи. И тут же замахнулся на меня.

– У, вражина потусторонняя! Будешь знать, как в мой огород лазить!

Бля! Нужен мне твой огород, старый пень!

Идти пришлось долго, почти через весь город. Сперва шагали по пыльной улице, на которой стояли одноэтажные дома. Затем свернули на улицу пошире, вымощенную толстыми деревянными плахами. И дома пошли побогаче, в два, а то и в три этажа. Карнизы и наличники на окнах были украшены затейливой резьбой. Не бедные люди живут, сразу видно.

На небольшой площади возле очередного кабака мальчишки играли в лапту. Увидев нас, они загалдели:

– Демона поймали! Василий Михалыч демона поймал!

Один из пацанов с ехидной ухмылкой швырнул в меня огрызком яблока. И ведь попал, гадёныш!

Я дёрнулся, было, к нему. А руки-то связаны!

– Ну-ка, брысь! – прикрикнул на мальчишек Сытин. Пацаны так и брызнули в стороны.

Ноги у меня гудели после пробежки, а живот, прямо к позвоночнику прилип. В нём даже не урчало – настолько голод скрутил кишки.

– Ничего, – подбадривал меня в спину начальник стражи. – Доберёмся до тюрьмы, там тебя накормят.

Ох, что-то я, блядь, сильно сомневался в его словах! На десантной гауптвахте, помню, кормили брикетами из говна

и водорослей. И не сказать, чтоб досыта. А тюрьмы – они везде одинаковые.

Хотя – какая тебе разница, Макс? Ты час назад крысу сожрал и не поморщился.

Улица вышла на широкую площадь, посередине которой шумел рынок. Ну, точно! Здесь Немой уже бывал с обозом. Отсюда он пошёл искать своего Фому, который у князя в дружине служит.

Ох, Немой, Немой... За каким хреном ты весь город оббегал, если дворец князя – вот он?! На краю площади, за высоким бревенчатым забором с башнями. Возле ворот сучали охранники с копьями, на башнях – лучники.

Мы подошли к воротам. В высокой тяжёлой створке для удобства была сделана небольшая калитка с окошечком. Увидев нас, один из копейщиков молча постучал в калитку. Окошко скрипнуло, оттуда зыркнули цепкие глаза. Затем калитка открылась, и мы вошли в сад.

Яблоки и груши густо усыпали развесистые деревья. Тяжёлые краснобокие фрукты сгибали ветки почти до земли. Да вы издеваетесь, что ли? В животе снова нещадно заурчало и забулькало.

Проходя мимо невысокой вишни, я изловчился и губами поймал тёмно-красную, почти чёрную ягоду. Она была кисло-сладкой, прохладной.

Выплюнув косточку на траву, я обернулся к своему про-

вожатому. Тот сокрушённо качал головой.

– Вообще-то, это любимая вишня князя Всеволода. Ягоды с неё не ест никто кроме князя.

Ну, бля! И тут накосячил! Не хватало ещё из-за ягод башки лишиться. Вот как это у меня получается? Всё время попадаю в самую жопу. Как с Тупым и гранатой. Талант, не иначе!

– Ладно, я никому не скажу, – подмигнул мне Сытин. – Топай давай! Видишь кирпичное здание во-он там? К нему шагай.

Тюрьма была самая настоящая. С тяжёлой железной дверью и маленькими окошками в высокой кирпичной стене. На окнах – сплошь решётки. Весёлое местечко.

Внутри, как и положено, царил полумрак, и пахло сыростью. У меня даже озноб пробежал по коже.

Длинным коридором охранник провёл нас в кабинет, на двери которого висела деревянная дощечка с надписью: «Начальник темницы». Золотые буквы были вручную выписаны на тёмно-вишнёвом фоне.

Начальник темницы оказался полным весёлым мужчиной в длинном, почти до пола, балахоне синего цвета.

– Здорово, Василий Михалыч! – воскликнул он, увидев нас. – А я тебя жду. Слушай, не можешь мне парочку саламандр достать, а? Камеры хочу просушить, пока погода хорошая. А то плесень пойдёт по стенам. Постояльцы от сыро-

сти заболеют.

– Непременно достану, Никита Ильич! Вот Михей с Гнилого болота вернётся – отправлю его за саламандрами, – ответил ему Сытин.

– А Михей на Гнилое болото поехал? Ох, ты! Если б я знал – попросил бы чёрных грибов привезти хоть корзинку. А то водяник в седьмой камере без них есть не может. Прямо исхудал весь. Из бассейна не вылезает.

Ни хрена себе! У них тут что, камеры с бассейнами?

– Так кто же его заставлял девок соблазнять русалочьим житьём? Сам виноват, за дело сидит.

– За дело-то за дело, – покивал начальник тюрьмы. – Но не морить же голодом нечистую силу.

– Да привезёт Михей грибов, не забудет. Я ему говорил. А как Василиса твоя поживает? Не линяла ещё?

– Вылиняла уже. Привет тебе передаёт.

– И ты ей от меня привет передай. А шкуру её старую не вздумай сжечь. Высуши на чердаке и прибери.

– Непременно, – пообещал начальник темницы. – Ты чаю-то выпьешь, Василий Михалыч? А, может, водочки?

– В другой раз, Никита Ильич. Давай-ка, сейчас постояльца определим. И покормить его надо.

– Так это постоялец с тобой? А я думал – ты помощника завёл! Определим, конечно! Он у тебя кто?

– Перекидыш. Котом оборачивается.

– Котом? Вот это отлично! Так он мне заодно всех мы-

шей переловит, пока сидит! А то мышцы замучили, понимаешь! Велел поставить мышеловку – так в неё домовой из пятой камеры попал. Три дня в больничке пролежал. Камера не убрана! Непорядок. И знаешь, что я тебе скажу – тут начальник тюрьмы понизил голос, словно заговорщик. – Он, мерзавец, специально палец в мышеловку сунул! А ты чего молчишь, перекидывай? Наловишь мышей? А я тебе камеру с тёплой лежанкой, а?

– Немой он, Никита Ильич, – засмеялся мой провожатый.

– Немой? Как же тебя угораздило-то, а? Ну, пойдём, Немой!

Вдвоём они отвели меня в камеру.

– Значит, смотри, Немой, – сказал начальник тюрьмы. – Вот лежанка, как обещал. Вот стол и табурет. Здесь, в углу – когтеточка. О матрас когти не точить! Порвёшь – сам зашивать будешь. Обед сейчас принесут.

– Выдай ему двойной, – попросил Василий. – Наголодался парнишка.

– Выдадим, – согласился начальник тюрьмы. – Да, вот ещё что! Под кровать не гадить! Только в лоток!

Бля, они вообще охренели, что ли?!

Молчаливый тюремщик приволок мне обед – две охрененные порции жареного мяса с репой и горохом и гору чёрного хлеба. Начальство вышло, дверь захлопнулась. И я остался один.

Ох, я и жрал! Наевшись, расслабился на табурете и стал задумчиво смотреть на недоеденный хлеб. Хлеба было ужасно жалко. Но в желудок он не влезал. Проблема, бя!

От нечего делать, принялся рассматривать камеру. Нормальное помещение. Семь шагов в длину, пять – в ширину. Побольше десантной капсулы.

И тут я заметил, что из-под койки на меня внимательно смотрят два блестящих глаза.

Это была мышь. Крупная, величиной почти с крысу, которую я сожрал на помойке. Она, не отрываясь, глядела на меня, но вылезти из-под кровати не решалась.

Немой внутри по-прежнему молчал. Я почувствовал себя одиноко и решил подружиться с мышью. Взял хлеб, отломил кусочек и протянул ей.

Мышь торопливо пробежала через камеру, обнюхала хлеб и взяла его передними лапками. Съела, отряхнула крошки с усов и вежливо сказала:

– Спасибо!

Мышь посмотрела на меня и обиженно фыркнула.

– Я не понял. А ты почему не кричишь? Не удивился что ли?

Конечно, не удивился. Я просто охренел! Но краем сознания отметил, что эта мышь – мужского пола. Мыш, то есть.

– Поговорить не хочешь? – спросил мыш. – Темница, всё-таки. Скучно. А поговоришь – и легче на душе.

Легче, это точно. А если ещё и выпить – вообще взлетишь. Я бы сейчас граммов шестьсот засадил, чтобы успокоиться. И можно без закуски.

Я тяжело вздохнул и снова принялся за пантомиму. Жалобно замычал, показывая пальцем на рот.

– Немой? – понятиливо спросил мыш. – Это ничего. Мелкую моторику надо развивать, тогда и речь вернётся. Вышивать любишь?

Ага! Крестиком, блядь!

Я помотал головой.

– Тогда лепить можно. Ну-ка, слепи что-нибудь из хлебного мякиша. А я пока тебе расскажу, что на воле делается. Скучаешь по воле?

Ну, так. Не успел соскучиться, вроде.

Чтобы не расстраивать мыша, я кивнул. Отщипнул хлебный мякиш и принялся катать в пальцах. Чем чёрт не шутит – может, и вернётся речь.

– Слушай, а почему от тебя котом пахнет? – спросил мыш.

Ответить я не успел. Что-то тяжелое со всей дури долбануло в стену камеры, и послышался дикий рёв!

В коридоре загрохотали торопливые шаги, словно мимо камеры скакал табун лошадей. Мужской голос пронзительно завопил:

– Зовите Сытина! Демоны темницу ломают!

В стену ещё раз долбанули, и кирпич пошёл трещинами.

Глава 3: Яйца колдуна

Несколько кирпичей от удара выпали из стены. Получилась неровная дыра. В эту дыру немедленно просунулась рогатая голова с оскаленной пастью! Голова обожгла меня взглядом безумных, налитых кровью глаз, распахнула пасть и торжествующе завопила. Из-за стены ответили дружным рёвом.

Блядь, да их там до хрена!

Кирпичи продолжали трескаться, из швов сыпались на пол куски раствора. Рогатая голова явно пыталась протиснуться в камеру. И уж точно не затем, чтобы поговорить о погоде.

Гориллу видели? А пьяную гориллу? А пьяную, охренительно злую гориллу с рогами?

Вот такая тварь и лезла в мою камеру.

– Демон! – запищал мыш и юркнул под кровать.

Мышу хорошо – его эта дура ловить не станет. А меня – запросто! Жопой чую.

Может, в кота превратиться? Немой, ты где там? В летаргию впал, что ли? Давай, превращайся!

Немой опять не отзывался. Я плюнул на переговоры с внутренним «я» и решил действовать проверенным методом.

Первым делом схватил выпавший из стены кирпич и со

всей дури засандалил голове промеж рогов! Голова заорала благим матом. За стеной немедленно отозвались её братья.

Я ещё раз хряпнул кирпичом по голове. Кирпич с хрустом рассыпался у меня в руках. А голове – хоть бы хны! Вопя и щёлкая зубами, она упрямо протискивалась в камеру.

Тогда я вцепился руками в круто изогнутые рога и стал выпихивать голову из камеры. Голова упиралась, но и я не сдавался. Потихоньку, миллиметр за миллиметром, голова убиралась обратно в дыру.

Ох, как эта тварь верещала! Её вопли звучали одновременно утробно и пронзительно. Временами сволочь вообще переходила на ультразвук. Я чуть не оглох на хрен!

А что творилось за стеной! Там визжали, хрюкали, ревели и гоготали. Удары в кирпичную кладку сыпались градом. Стена вздрагивала, но стояла крепко. Видно, у неё было только одно слабое место. Спяну, что ли, каменщик его строил?

Я помянул грубым словом безымянного древнего строителя и покрепче упёрся босыми ногами в шершавый каменный пол.

Блядь, а что я делаю?!

До меня только сейчас дошло, что если я окончательно выпихну голову из камеры, то дыра освободится! И в неё сможет пролезть такая тварь, по сравнению с которой оскаленная рогатая обезьяна покажется девочкой на утреннике.

Подтверждая мои слова, обезьяна дёрнула головой и чуть не утащила меня за собой в дыру. Я опять уперся ногами в пол и изо всех сил принялся тащить обезьяну обратно.

– Держи, не выпускай! – подбадривал из-под кровати мыш.

Да где же эта грёбаная охрана? Кажется, мне обещали, что в тюрьме я нормально выплусь. Опять кинули?

Дверь камеры со стуком распахнулась.

– Тащи его сюда, перекидыш!

Я упёрся ногами в стену и поднажал.

Что-то свистнуло возле моего уха, и на башку демона опустилась здоровенная кувалда.

Демон хрюкнул и окаменел.

Каменные рога в моих руках сухо хрустнули и обломились. Я больно шлёпнулся жопой на пол.

– Ну вот, такую скульптуру испортил! – укоризненно пропищал из-под кровати мыш.

За стеной раздавались глухие удары и обиженно взвизгивали демоны. Видимо, охрана наводила порядок.

Рядом со мной, сжимая кувалду, стоял сам начальник темницы.

– Ты как, перекидыш?

Охрененно, бля!

Я с интересом покосился на кувалду. На деревянную ручку была плотно насажена серебряная болванка весом кило-

грамма четыре.

– Нравится? – спросил начальник темницы. – Магический молот! Рукоять – чистая осина! Лёгким прикосновением глушит любую нечисть.

Я перевёл взгляд на окаменевшего демона. На его голове виднелся отчётливый отпечаток кувалды. Да уж, бля, волшебство!

Начальник темницы озабоченно осмотрел дыру в стене.

– Ремонта на двадцать золотых, не меньше, – проворчал он. – А казначей опять сметы урезал. Жаба жадная! Вот бы к нему в сокровищницу этого демона выпустить! Перестал бы на темнице экономить. Хотя... Можно демона из дыры не вынимать! Растворчиком обмажем, оштукатурим, и порядок! А? Как думаешь, Немой?

Я думал только о том, как мне хочется спать!

– Ладно, Немой, ты отдыхай! – сказал начальник темницы. – Тебе ещё утром с Сытиным разговаривать. А это, брат – трудное дело! Смотри, не ври ему. Он людей насквозь видит.

За стеной было тихо. Демонов то ли увели, то ли плотно упаковали в смирительные рубашки. Я растянулся на койке. Мыш повозился под кроватью, потом мягко прыгнул на матрас и устроился рядом. Я уставился в потолок, и перед глазами опять поплыли странные картинки.

– Мать твоя знахарка была. Колдунья. Никого не боялась

– ни богов, ни нечистой силы.

Дед Никей смеётся надтреснутым хохотком. Немой, раскрыв рот, смотрит на деда. Дед никогда его не бьёт, и часто с ним разговаривает. Вот и сейчас рассказывает о матери, которую Немой помнит уже плохо.

В деревне к ней относились осторожно. Она пришла неизвестно откуда, одна. Уже беременная. Поселилась в пустой избе, на отшибе. Хозяева избы померли от гнилой болезни. Потому никто к избе и не подходил, даже на дрова разобрать боялись. Хотели сжечь, да махнули рукой – как бы огонь на деревню не перекинулся.

Когда мать там поселилась – в деревне решили, что она тоже скоро помрёт. Но она не померла, да ещё и ребёнка родила. Немого, то есть. Блядь, короче – меня.

Как-то у соседей заболела корова. Перестала есть, молоко пропало. Только мычала жалобно, тоскливо.

Корову уже хотели резать на мясо, но тут пришла мать. Отодвинула растерянного хозяина с ножом. Зажгла пучок сухой травы, подымила по углам тёмного хлева. Потом развела в воде толчёный порошок и дала корове пить.

На следующий день корова хрумкала сено. И даже молоко с неё надоили. Но мать велела это молоко вылить. И ещё неделю поила корову странными порошками.

Рано утром меня повели в кабинет начальника темницы. Даже позавтракать не дали!

Начальника не было. За его столом сидел Сытин. Выглядел он уставшим, под глазами залегли тени.

– Всю ночь не спал, – пожаловался Сытин. – В Кузнечном конце банники барагозили. Ты представляешь, Немой – кузнец один придумал в бане брагу поставить! Говорит – тепло там! Ну, не дурак? Банник запах учуял и брагу нашёл. Да ещё и приятелей позвал. Всю ночь пировали, а под утро до драки дошло. И баню спалили! Хорошо, на дома огонь не перекинулся! А у вас тут что? Говорят, ты демона за рога поймал? Не испугался?

Я помотал головой. Сытин взял со стола серебряный колокольчик и позвонил. В дверь немедленно протиснулся конвоир.

– Принеси нам пожрать чего-нибудь, – сказал ему Сытин. – Да побольше.

– Сделаю, Василий Михалыч! – кивнул конвоир. – Водочки нести?

– Вы охренели что ли? Какая водка с утра пораньше? Мне ещё к князю на доклад сегодня. Распустились, бля!

– Виноват! – побледнел конвоир.

– Чаю завари, – успокаиваясь, сказал Сытин. – Из этой, как её? Забываю всё время.

– Из Индии? – спросил часовой.

– Да, точно! Вот хорошая страна, хоть и дикая. Голые хо-

дят, одним рисом питаются. Но чай у них – это что-то! Бодрит так, что глаза на лоб лезут. Пробовал чай, Немой?

А я взял и кивнул машинально. Пили мы в десанте эту бурду жидко- жёлтого цвета.

У Сытина от удивления глаза на лоб полезли.

– Это где ты его пробовал? В кабаки пока не завозили, вроде!

Бля, опять спалился! А Сытин хорош – на такой ерунде меня поймал.

– Значит, так, Немой! – сказал Сытин, когда часовой принёс холодное мясо с хлебом и горячий чай. – Разговор у нас, как ты понимаешь, будет долгий. Ты – маг-перекидыш, на учёте не состоишь, я проверил. Откуда ты взялся, почему до сих пор не попал в руки моей службы? Этого я пока не знаю. А узнать надо, понимаешь? Вдруг ты шпион? Перекидыш в кота – удобно, а? Шмыг в форточку – и лежи себе на кушетке, облизывайся. Секреты слушай. Или тебя к князю враги подослали?

Я замотал головой и замычал, делая большие честные глаза.

– Да я верю, верю, – сказал Сытин. – Так, предположения строю по привычке. Был бы ты шпионом – не стал бы у кабака так глупо палиться. Да и на меня случайно выскочил. Я в том районе вообще не должен был вчера оказаться. Но выяснить всё о тебе я по долгу службы обязан, понимаешь?

Я угрюмо кивнул. Бля, да я и сам с удовольствием бы что-нибудь про себя выяснил! Так что валяй, коли, начальник!

– А как выяснить, если ты не говоришь? – продолжал спрашивать Сытин. – Но тут я придумал одну хитрость. Я буду задавать тебе вопросы, а мне отвечай – да, или нет. Если хочешь – можешь врать, мне это пофиг. Вопросы такие, что я тебя всё равно рано или поздно раскушу. И вот тогда враньё припомню. Понял?

Что тут не понять? Следователь он опытный, цепкий. Это сразу видно. Но и я не дурак – за нос его могу водить долго. Тем более, что самые важные вопросы он не задаст. Просто не догадается.

Только смысла в этом нет. Моя боевая задача сейчас – ужитья в этом мире. Дальше по обстоятельствам. Но пока – просто ужитья. Найти стартовую позицию. А это трудно, если сходу со всем миром воевать. Мне нужны союзники.

Я откусил хлеб, запил его чаем. Бля, действительно, вкусно. И бодрит. А что же за бурду нам тогда в столовке давали?

На роль союзника Сытин подходил отлично.

Я вздохнул и показал рукой, словно пишу по бумаге.

Глаза Сытина стали круглыми от удивления.

– Немой! Ты что, бля – писать умеешь? Грамотный?

Я скромно кивнул.

– А какого хера ты молчал?!

Я замычал, показывая рукой на свой рот.

– Точно, бля! А какого хера я тебя вчера не спросил? – самокритично заметил Сытин. – Ща, погоди!

Он дёрнул ящик стола.

– Бля, заперто!

Сытин стукнул кулаком по краю столешницы. На секунду вспыхнуло бледное синеватое пламя, в воздухе запахло грозой.

– Другое дело! – удовлетворённо сказал Сытин и открыл ящик. – А бумага-то у Никиты Ильича какая, а? Нашей работы, не китайская! Из чистого камыша. Умеют делать, когда захотят!

Он достал из ящика несколько толстых желтоватых листов и чернильницу с гусиным пером. Придвинул всё это добро ко мне.

– Давай, Немой, пиши по порядку. Как зовут, откуда. Где обучался магии и грамоте. Как попал в Старгород, с какой целью. В общем – всё, что вспомнишь. А потом я спрашивать буду.

Что-то погорячился я, похоже, насчёт умения писать. Я-то имел в виду авторучку. А тут – птичья шерсть.

Я обмакнул перо в чернильницу и поднёс к бумаге. На лист немедленно упала жирная клякса. Да, бля! Как этим пишут-то?

Через несколько минут мучительных усилий я протянул Сытину покрытый каракулями лист. Он повернул его к себе и прочитал вслух:

– Меня зовут Макс. Я – космический боец из другого мира. Погиб и попал в тело Немого. О своей жизни почти ни хрена не помню. О жизни Немого ни хрена не знаю. В кота превратился случайно. Хочешь – верь, хочешь – нет.

Пока Сытин читал, я любовался тем, как его глаза вылезают из орбит. Он дочитал, бросил листок на стол и вскочил:

– Что это за херня, Немой?

Я сделал честное лицо и развёл руками.

– Не верю! – заорал Сытин и опять стукнул кулаком по столу. Вспыхнуло пламя, и столешница обуглилась. В кабинете запахло горелым деревом.

– Космический – это что?

Я показал пальцем вверх, а потом покрутил им.

– Пастух? – спросил Сытин.

Бля, да как же тебе объяснить-то?

– Ну, ладно, – немного успокоился Сытин, – кое-какая зацепка всё же есть. Но сперва скажи, что это за другой мир? Тот, откуда к нам демоны проникают?

А я откуда знаю? Сам я рогатых обезьян раньше не видел. Но кто поручится, что в Галактике их нет? Да нет – херня это! Не может в нормальном мире существовать такая оскаленная рожа.

Я решительно помотал головой. Сытин ещё раз пробежался по кабинету, потом плюхнулся в кресло.

– Ох, Немой – попал ты! Теперь я от тебя не отцеплюсь.

Ну, сознайся – может, ты всё наврал, а? Выдумал? А сам – обычный маг-воришка. Ты вор, Немой?

Я хотел возмущённо помотать головой, но вспомнил мужика, у которого отобрал одежду, и кивнул.

– Значит, вор? И в бумаге всё наврал?

Он даже подался вперёд – настолько важен был для него ответ.

Я посмотрел Сытину в глаза и мотнул головой.

– Не наврал? На своём стоишь?

Я кивнул.

– Ну, хорошо. Сейчас мы тебя проверим.

Оп-па! Интересно, как ты собрался меня проверять?

– Ты тут написал, что был бойцом. Ну, давай – покажи себя. На чём умеешь драться? Шпаги, мечи, копья? Может, топоры?

Плазмоган, ёпта! Уж из него-то не промахнусь.

От такого оживлённого разговора у меня заболела шея. Но я превозмог себя, в сотый раз помотал головой и сунул Сытину под нос сжатые кулаки.

– На кулаках? – поразился Сытин. – Немой, да ты же дохляк! Да ещё и хромой. Я ж тебе шею в момент сверну!

На себя посмотри! Тоже мне бодибилдер!

Я сжал губы и снова потрянул кулаками.

– Ну, ладно! – Сытин рывком поднялся с кресла. – Здесь, или в коридоре?

Да ну на хрен, мебель начальнику тюрьмы ломать. Мне ещё здесь жить какое-то время.

Я показал рукой на окно.

– И то верно, – кивнул Сытин. – На свежем воздухе быстрее в себя придёшь, если что. Ну, идём, Немой!

Мы вышли на улицу, и я с удовольствием втянул в себя сладкий запах созревающих яблок. Хорошо-то как!

Сытин скинул кафтан и закатал рукава просторной белой рубахи.

– Давай! Только учти – назвался бойцом, так получишь без пощады. Чтоб в другой раз не врал мне.

Он без предупреждения бросился на меня. Широко размахнулся правой рукой, пытаясь залепить мне по уху. Сельский стиль во всей красе! Направо махнёт – улица, налево – переулочек!

Я поднырнул под его руку и коротко ткнул левым кулаком в солнечное сплетение, одновременно подставляя ногу. Сытин согнулся пополам, хекнул и растянулся на траве.

– Ах, ты, блядь!

Он поднялся, держась за живот. Широко растопырил руки и стал медленно подходить ко мне. Ага, остерегаешься? Ладно, сейчас я тебя ещё удивлю!

Инструктор по рукопашке наверняка покрыл бы меня матом. Я никогда не входил в число его любимчиков. Но самые необходимые навыки он, всё-таки, в меня вколотил.

Я сделал два быстрых шага навстречу Сытину и воткнул

носок правой ноги ему в живот. То есть, хотел в живот. А попал чуть ниже. Сытин скрючился и снова рухнул на траву.

А не будешь в меня своим шампуром тыкать, колдун!

Я отошёл в сторону и присел на кирпичные ступеньки тюрьмы, щурясь на тёплое летнее солнце.

– Ну, ты даёшь, Немой! – Сытин, наконец, поднялся с травы, отряхнул рубаху и присел рядом со мной. – Или как там тебя? Макс?

Я помотал головой. Макс остался там, в развороченном ракетами шахтёрском посёлке. А здесь пусть будет Немой.

– А я-то гадал – как ты мужика возле кабака вырубил. Теперь понятно. Значит, так! Научишь меня этой хрени. Приёмчики подлые, но действуют.

Да что там подлого-то? Мужик, ты про кредитную карту слышал? А про ипотеку? Это когда платить начинаешь в молодости, а квартиру получаешь ближе к пенсии. И тут же меняешь её на гроб без доплаты. У меня в прошлом мире дед так переехал. Двадцать лет платил, а потом сменял Южное Херево на Северное кладбище. Вот это подлянка, так подлянка.

Вам тут хорошо. Срубил избу в лесу, и живи. Хочешь – зайцев лови, хочешь – мёд по дуплам собирай наперегонки с медведем. Свобода!

А Сытин тем временем продолжал:

– Только смотри – наши мужики и убить за такое могут.

И вот что. Я тебе ещё бумаги дам. Напиши всё, что вспомнишь, особенно про Немого. Чем больше напишешь – тем скорее я тебе поверю. А если поверю, то постараюсь помочь. Договорились?

Я кивнул.

– Вот и хорошо. А теперь мне к князю на доклад пора. Пойдём, отведу тебя в камеру.

В этот момент на крыльцо выскочил расстроенный начальник темницы.

– Василий Михалыч! Ты что же делаешь? Стол поджог, ящик сломал! Совесть есть у тебя?

– Прости, Никита Ильич, – устало поднимаясь со ступенек, отозвался Сытин. – Сочтёмся за стол.

– А саламандры? А грибы для водяного?

– Да будут тебе грибы! Привезёт Михей. Будь другом, отведи Немого в камеру. И бумагу с чернилами дай ему. Я завтра утром загляну.

– Извини, Василий Михалыч. Я потому тебя и искал. Тут такое дело – нельзя Немого в темнице держать. Опасно. Мои ребята одного из демонов раскололи.

– И что?

– Они не просто так бунт устроили. Немого почувляли и к нему пробирались.

Начальник темницы подошёл вплотную к Сытину, и стал что-то шептать ему на ухо, таинственно оглядываясь на меня.

Ну, что за тайны-то, ёпта?!

Глава 4: Кошачья радость

Расстроенный начальник темницы, хлопнув дверью, ушёл наводить порядок в своих владениях. Я слышал его удаляющийся по коридору голос:

– Стол из моего кабинета в пыточную отнесите, балбесы! Да погодите, я документы переложу!

Сытин озадаченно посмотрел на меня.

– Расстроили мы Никиту Ильича, Немой.

Вот, бля! То я княжий куст объел, то главного тюремщика расстроил. И как жив ещё с такими талантами?

Я вопросительно поднял брови.

– Ох, и рожи ты корчишь! – заржал Сытин. – Не зря я тебя за сумасшедшего принял.

А вот сейчас было обидно! Ты свою-то харю когда последний раз в зеркале видел? Небритый, помятый, мешки под глазами.

Сытин довольно ухмыльнулся.

– Это тебе за то, что уделал меня. До сих пор яйца болят, зараза!

Он глубоко вдохнул, сделал серьёзное лицо и продолжил:

– В общем, так. Ребятки Никиты Ильича допросили демонов.

Я представил, как «ребятки» допрашивают безумную рогатую обезьяну и недоверчиво хмыкнул.

– Да ты не сомневайся, они своё дело знают! Проблема в другом. Демоны эти прорывались целенаправленно к тебе, понимаешь?

Вот это крендель! И на кой хер я им понадобился?

– Они как-то учуяли, что ты сюда попал из другого мира. И надеялись с твоей помощью туда свалить.

Сытин задумался, и поправил себя:

– Надеются. Ты же не станешь им помогать, Немой?

Я помотал головой. На хер! Таких тварей даже в зоопарк продавать – себе дороже!

– Ну вот, и хорошо! – одобрительно кивнул Сытин. – Значит, смотри! С одной стороны, это подтверждает твои слова. Хотя я по-прежнему ни хрена не могу поверить. Но придётся.

Сытин почесал переносицу.

– С другой стороны, вопрос – что теперь с тобой делать? В темнице тебя держать нельзя – демоны её в конец разнесут. А где тогда?

Я пожал плечами. А потом мне пришла в голову светлая мысль. В самом деле, какого хрена он так трясётся над этими демонами?

Я выразительно провёл большим пальцем правой руки по горлу.

– Хм, – сказал Сытин, – а кого? Тебя, или демонов? Они, так-то, подороже тебя стоят. Да и ловить их потруднее.

И опять заржал, сволочь! Потом взглянул на солнце и вы-

ругался:

– Блять! Я к князю опаздываю! Значит, так, Немой! Сейчас пойдёшь со мной во дворец. Сдам тебя страже. Сиди там тихо, пока я не вернусь, понял? Выйду от князя – поговорим.

В княжеский дворец мы вошли через неприметное боковое крыльцо. Внутри нас встретили двое молчаливых охранников с саблями на поясе. Один из них, не здороваясь, протянул Сытину руку ладонью кверху. Тот отстегнул от пояса шпагу и отдал охраннику. Потом вытащил из правого сапога нож.

Охранник положил оружие Сытина на деревянный столик при входе и так же молча повернулся ко мне. Я развёл руками.

– У него ничего нет, – сказал Сытин. – И к князю его не звали. Пусть он у вас посидит.

Охранник кивнул мне на деревянную лавку, стоявшую возле двери.

Я сел, закинул ногу за ногу, достал из-за пазухи сорванное украдкой красное яблоко и вытер его об рубаху. Ну, а хрен ли? Позавтракать нормально не дали, а теперь ещё и обед неизвестно когда будет!

Сытин сокрушённо покачал головой, но промолчал и пошёл вверх по широкой лестнице. Я посмотрел ему вслед и с хрустом откусил твёрдое, сладко-кислое яблоко. Красота!

Ни один из охранников не обращал на меня никакого вни-

мания. Ну, понятно! Они в суконных зелёных кафтанах с медными пуговицами, в шапках, обшитых мехом. А я – в драной мешковине, босой. И на голове – воронье гнездо. Спасибо, что сесть разрешили!

Я сожрал яблоко, поискал глазами, куда выкинуть огрызок. Не нашёл. Тогда незаметно уронил его на пол и затолкал ногой под лавку. Охранники ничего не заметили. Они по-прежнему стояли возле двери.

Откуда-то из глубины терема прилетела огромная зелёная муха. Громко жужжа, она покружила по комнате. А затем села одному из охранников на нос.

Тот даже не пошевелился. Ни хрена себе, выучка!

Муха проползла по мясистому носу, забралась в широко открытый правый глаз охранника и принялась деловито там копошиться. Охранник и глазом не моргнул. Второй тоже стоял неподвижно.

Я почувствовал, как по спине бегут ледяные мурашки.

Входная дверь скрипнула. Я инстинктивно замер, сидя на лавке.

В образовавшуюся щель упала полоска солнечного света. Вслед за ней осторожно просунулась изящная кошачья мордочка. Она посмотрела на охранников, а затем немигающими зелёными глазами уставилась на меня.

Я затаил дыхание.

Кошка снова посмотрела на охранников, а потом протис-

нулась в щель целиком. Она была некрупная, рыжая, с белыми лапами. И не спрашивайте, как я понял, что это кошка! У котов морды наглее.

Не обращая на нас никакого внимания, кошка побежала по лестнице вслед за Сытиным.

Чтоб мне сдохнуть, если это не похоже на диверсию! Весь мой опыт просто орал об этом. Застывшие охранники, кошка с умными пронзительными глазами.

Я чуть не рванул вслед за кошкой, но вовремя опомнился. Где я буду её искать? Да и скрутят в два счёта чумазого бродягу в княжеском дворце. А я и объяснить ничего не смогу.

А если котом?

«Немой!» – мысленно заорал я. – «Немой, очнись! Перекидываемся срочно! Нужно догнать эту стерву!»

И Немой меня услышал!

В голове что-то взорвалось. Я выпутался из одежды, свалился с лавки на пол и ловко приземлился на четыре крепкие мохнатые лапы! Задняя когда-то была сломана и срослась криво. Но мне это совершенно не мешало! Я ощущал себя охрененным котом и был готов вломить любому другому коту на районе!

Я повёл мордой в воздухе и почуял запах. От него моя голова кружилась, шерсть вставала дыбом, а усы топорщились. Это был запах кошки, готовой трахаться.

М-мяу, бля!

Я вприпрыжку рванул вверх по лестнице. Толстый мохнатый ковёр приглушал мой торопливый топот. Но вообще-то, мне это было совершенно по херу! Я нёсся по княжескому дворцу как слон, как взбесившийся носорог, как буйвол в период гона!

Я забыл о своих подозрениях, забыл о том, зачем перекинулся в ката. Жгучее желание траха гнало меня на поиски партнёрши.

Эй, где ты, рыжая?! Прячься – не прячься, я всё равно найду тебя и так отымею, как тебя в жизни не имели! После траха со мной ты на других котов и смотреть не захочешь! Будешь бегать сзади и, жалобно мяукая, просить добавки!

На бегу я обогнал какого-то мужика, который неторопливо тащил вверх по лестнице уставленный посудой поднос. Я выпрыгнул у него из-за спины, мужик отшатнулся, и посуда загромычала вниз по ступенькам.

Ага, вот ты где, рыжая! А что это за хрен с горы тебя наглаживает? Ну-ка, пошёл на хер от моей кошки!

Я басом рывкнул на парня, мускулистые ноги которого туго обтягивали зелёные лосины. Парень отдёрнул руку и взвизгнул. А я зубами ухватил офигевшую рыжую за шкуру и тут же приступил к делу!

В зеркале напротив я видел вытарашенные зелёные глаза. Рыжая барахталась и мяукала, а я наяривал всё сильнее! Да! Да!! Да!!!

А-а-а, бля! Хорошо!!!

В голове громко щёлкнуло, и я шлёпнулся тощей задницей на ковёр. Хер у меня стоял дыбом. Пацан визжал так, словно его режут. На мягком ковре лестничной площадки развалилась голая рыжеволосая девица. Она шумно дышала и глядела на меня ошалевшими зелёными глазами.

А сиськи у неё зачётные! И всё остальное тоже.

Распахнулись высокие двустворчатые двери. Из них выбежал Сытин. Следом за ним шагал высокий, плечистый, богато одетый мужик в шапке с золотым шитьём.

«Князь!» – стукнуло у меня в голове.

– Немой, блядь! – заорал Сытин. – Ты совсем охренел?!

Он торопливо щёлкнул пальцами, и рыжеволосая замерла в причудливой позе.

Сытин повернулся к князю.

– Моя вина, княже! Пригрел полудурка!

Но князь не обратил на Сытина никакого внимания. Он бегло взглянул на рыжеволосую девицу, а потом тяжёлым взглядом уставился на парня. Парень от этого взгляда съёжился и втянул голову в плечи.

– Михаил, – торжественно и грозно спросил князь. – Что здесь делает эта рыжая шаболда? Как она попала в терем? Я же велел страже её не пускать.

Оп-па! А гроза-то, кажись, не над моей горемычной башкой грохочет!

– Ты – княжич! – продолжал князь Всеволод. – Мой на-

следник! Тебе после меня страной управлять! А ты путаешься с кабацкой девкой вопреки моему запрету!

Да нормальная девка! Отвечаю!

Говорил князь так, словно молотом по наковальне бил. И каждое слово сгибало пацана всё ниже и ниже. Мне даже жалко его стало. В самом деле – и девку на глазах отобрали, и папаня дрючит ни за что.

А княжич, гадёныш такой, с ненавистью зыркнул на меня светло-серым глазом. Бля, Немой! Вот ты и наследника во врагах заимел! Теперь в твоих интересах, чтобы папаша правил как можно дольше.

Наконец, князь покончил с наследником и обернулся к нам с Сытиным. С головы до ног оглядел меня. Интересно, князьям тяжёлый взгляд вместе с золотой шапкой выдают, что ли? В комплекте?

– Василий Михалыч, это твой человек? – спросил князь, коротко кивнув на меня.

В глазах Сытина явно читалось желание сказать, что он видит меня впервые в жизни. Но начальник тайной стражи пересилил себя и кивнул.

– Мой, княже! Я недоглядел.

– Молодец! – веско сказал князь. – А почему на помощь не позвал?

Это князь спросил напрямую у меня.

Я вздохнул, улыбнулся, как можно шире, и привычно за-

мычал. Глаза князя полезли на лоб от удивления.

– Немой он, княже! – поспешил объяснить Сытин.

Князь удивился ещё больше.

– Как не твой? Ты же только что сказал...

– Он говорить не может! Вот и не позвал никого. Справлялся, как мог!

– И ведь справился! – подхватил князь. – Жизнью рисковал, а справился! Не допустил беды с княжичем! Достоин награды!

Князь снова повернулся ко мне.

– Ну, чего хочешь? Проси! Только не наглей!

– Не может он, княже! – напомнил Сытин. – Он потом подумает и напишет, а я передам. Пойдём мы. Мне ещё с твоей стражей разобраться надо.

– Идите! – разрешил князь. – Парня доктору покажи, Василий Михалыч! Не подхватил ли он чего от этой шалавы? И послезавтра приведи его ко мне. Только одетого! А то куда ж я ему медаль приколю?

– Идём, Немой! – дёрнул меня за руку Сытин. Мы спустились по лестнице. Двое молодцов тащили за нами завёрнутую в ковёр девицу.

– Отнесите её в темницу и сдайте Никите Ильичу! – приказал им Сытин. – А ты, Немой, штаны надень. Я твою голую жопу видеть уже не могу!

Пока я натягивал штаны, Сытин смотрел на меня с весё-

лым изумлением.

– Я уж и не знаю, Немой, – доверительно сообщил он мне, – что хуже – демоны, или ты.

Сравнил, тоже мне!

– К демонам я уже привык, – продолжал Сытин. – Но с тобой куда веселее. Тебе хоть девка-то понравилась?

А это девка была? Вообще-то, кошка. Но... Да, конечно, понравилась, бля! Ты поживи без баб столько, сколько я – и тебе понравится!

– Ладно, – заключил Сытин. – Обошлось – и слава богам! Но к доктору я тебя, всё-таки отведу – мало ли что! Заодно и познакомишься. С твоими талантами влипнуть в херню такое знакомство пригодится.

Он подошёл к замершим охранникам, внимательно осмотрел их и даже зачем-то понюхал. Потом небрежно щёлкнул пальцами. Охранники удивлённо захлопали глазами.

– Спице на посту?! – грозно рявкнул на них Сытин. – Две седмицы ареста каждому!

Бля, он так и сказал – седмицы!

– Не люблю я теремную стражу, – доверительно сказал мне Сытин, когда мы вышли на крыльцо. – Бездельники. Целыми днями по терему шляются, хари наели, шире плеч.

Он легко сбежал по широким ступенькам.

– Мда. А виноват-то я, Немой. Не они. Девка их заморозила. А я недосмотрел. Своего человека не поставил у две-

ри. Выходит, ты мою жопу сегодня спас. Спасибо, Немой! Должок за мной.

Я внимательно поглядел на него – стебётся, что ли? Но Сытин, вроде, говорил серьёзно.

Мы завернули за угол, и Сытин постучал в низенькую неприметную дверь.

– Заносите! – крикнул из-за двери дребезжащий стариковский тенорок.

Сытин открыл дверь.

– Заходи, герой-любовник!

В квадратном помещении с неожиданно большими полукруглыми окнами стоял тяжёлый запах мертвечины и уксуса. Воняло так, что я чуть не проблевался!

На большом деревянном столе посреди комнаты лежал труп с тощими руками и ногами. Грудная клетка трупа была небрежно разворочена, живот распорот.

Возле стола стоял сухонький старичок в густо забрызганном кровью кожаном фартуке. В правой руке он держал окровавленный топор, а в левой – огромные очки в толстой медной оправе.

– А где тело? – нетерпеливо спросил старичок.

– Гиппократ Поликарпыч, мы по другому вопросу, – мягко ответил старичку Сытин.

Старичок нацепил очки на острый воробьиный нос. По-красневшие глаза за толстыми стёклами растерянно замор-

гали.

– А-а-а, Вася! – радостно воскликнул он. – Проходи-проходи! Я сейчас!

Старичок небрежно швырнул топор к поленьям, лежавшим возле кирпичной печи, и стал мыть окровавленные руки в большой деревянной бадье.

– Приоткрыл бы окно, Гиппократ Поликарпыч! – сказал Сытин. – Душно у тебя.

– А, да! Ну, открой сам, Вася! Только марлю не сбей – мухи налетят.

Сытин пододвинул тяжёлую лавку, влез на неё и приоткрыл створку окна. Оттуда потянуло свежим воздухом.

Фух!

– Любопытнейший случай мне попался, Вася! – оглядываясь на Сытина, с энтузиазмом сказал старичок. – И как раз по твоей части!

Сытин сразу подобрался, как боевой конь при звуках трубы.

– Что такое? – спросил он старичка.

– Отравила одна женщина мужа. Ну, и сама страже сдалась – чтобы без хлопот. Спрашивают её – за что мужа убила. А она отвечает – мол, бессердечный стал, семью бросил, по кабакам пьёт, с девками гуляет.

Старичок замолчал и стал вытирать руки большим холщовым полотенцем.

– Ну, и что? – нетерпеливо спросил Сытин, слезая с лавки.

– А то, что мужа её ко мне привезли. Чтобы я подтвердил факт отравления. Я его вскрыл – а сердца, и вправду, нет! Вот, сам полюбуйся!

Сытин подошёл к столу и внимательно уставился на труп.

– Иди сюда, Немой! – позвал он меня. – Гляди!

Я нехотя подошёл к столу.

В распахнутой настёжь грудной клетке на месте сердца был гладкий кожистый мешок, величиной с кулак. Формой он напоминал яйцо буро-красного цвета. К нему со всех сторон тянулись толстые, с палец, сосуды. Они так естественно вросли в яйцо, словно оно и должно было здесь находиться.

– Где-то я о таком слышал, – задумчиво потирая подбородок, сказал Сытин. – Покопаюсь в библиотеке. Спасибо, Гиппократ Поликарпыч, озадачил ты меня!

– Обращайся, Вася! А ты зачем пришёл-то?

– А, да! Молодого сотрудника привёл, – ехидно сказал Сытин. – Проверь, Гиппократ Поликарпыч, не пострадал ли парень на работе.

– А чем работал? – поинтересовался доктор.

– Хером, Гиппократ Поликарпыч, хером!

– Это дело серьёзное! – согласился Гиппократ. – Сейчас мы у него соскоб возьмём аккуратненько. Дай только стерильный одноразовый зонд сделаю.

Он взял топор и обтёр его лезвие о фартук. Затем вы-

брал из кучи дров длинное прямое полено. Поставил полено на толстый изрубленный чурбан, прицелился и отколол здоровенную лучину. После чего выудил из кармана штанов огромный пучок ваты и принялся им эту самую лучину обматывать.

Я попятился к двери. Хер я вам дамся, живодёры! Не на того напали!

– Да ты не бойся, Немой! Гиппократ Поликарпыч своё дело знает, – ласково сказал Сытин.

Таким фальшивым голосом только котов успокаивать перед кастрацией.

Я показал Сытину кулак и хотел уже выскочить из этой живодёрни на улицу. Но вдруг увидел, что в груди лежавшего на столе трупа что-то шевельнулось.

Я отчаянно замычал, показывая рукой на труп.

– Брось, Немой, не хитри! – покачал головой Сытин.

Но я замычал ещё громче и скроил такую рожу, что он поневоле обернулся.

Кожаное яйцо в грудной клетке мертвеца пульсировало. Как будто кто-то изнутри пытался пробить плотную скорлупу. Затем внутри яйца загорелся крохотный огонёк. Он стал ярче, яйцо задёргалось, задрожало и лопнуло.

– Ни хера себе! – громко прошептал Сытин.

Глава 5: Змея и палач

Из трещины в кожистой оболочке показалась маленькая треугольная змеиная голова. Она словно светилась изнутри мягким красноватым светом. Длинный раздвоенный язык выскочил из крохотной пасти и на мгновение затрепетал в воздухе.

Змея ощупала языком воздух и выскользнула из яйца. Она была похожа на светящийся шнурок для ботинка и двигалась очень быстро. Мы не успели опомниться, как она свилась в пружину и прыгнула прямо на Сытина, целя оскаленной пастью в его лицо!

– Блядь! – заорал Сытин, инстинктивно прикрываясь рукой. Острые, словно иголки, клыки впились в суконный рукав кафтана, но не смогли его прокусить. Сытин взмахнул рукой. Змея отлетела к печке и шлёпнулась на дрова. От поленьев пошёл дым!

Охренеть, она раскалённая, что ли?

Змея тем временем снова свилась в клубок и повернула голову в мою сторону. На треугольном чешуйчатом черепе угольками вспыхнули два ярко-жёлтых глаза.

Но тут не оплошал старенький очкастый доктор. Он захерачил в змею топор и попал! Не убил, но помешал прыгнуть. Дрова со стуком посыпались, тяжёлое полено придавило гадину. Она закрутилась, пытаясь выбраться.

Вовремя подскочивший Сытин с размаху припечатал змеиную голову к полу каблуком.

Полуметровое гибкое тело неистово извивалось, хлестало по рыжему голенищу, оставляя на нём чёрные полосы. Вот змея обвилась хвостом вокруг сапога. Завоняло палёной кожей. Но это уже были судороги.

Змеиные кольца соскользнули с голенища, длинное тело упало на пол, темнея и рассыпаясь в пепел.

– Какого хера?! – громко спросил Сытин, обводя нас с доктором вытаращенными глазами.

От змеи осталась только мелкая серая пыль, похожая на золу. Гиппократ Поликарпыч осторожно смёл её в совок.

– Потом посмотрю под мелкоскопом, – сказал он.

Но Сытин покачал головой. Видно было, что в успехи науки он не верил.

А затем началось приятное.

Гиппократ Поликарпыч открыл толстую дверцу дубового шкафа и вытащил оттуда стеклянную банку с прозрачной жидкостью. В банке было литров пять, не меньше!

С трудом удерживая банку в мелко дрожащих руках, доктор разлил жидкость по деревянным стаканам. Стаканы он поставил на тот же стол, где мирно лежал труп. Но нас это уже ни хрена не смущало.

– Простерилизуемся на всякий случай, – сказал Гиппократ Поликарпыч. – Мало ли что!

Мы дружно чокнулись и проглотили приятно-обжигающую жидкость.

– Ещё по одной? – спросил доктор.

Я был не против. Но Сытин покачал головой.

– Спасибо, Гиппократ Поликарпыч, но времени нет. Надо в княжескую библиотеку заглянуть, выяснить – откуда взялась эта огненная хрень. Упаси нас боги, если это не единичный случай! А ну как такие змейки из горожан выползть начнут?

– Да, а как же осмотр? – вспомнил доктор. – Сейчас я новый зонд сделаю!

– Да брось, Гиппократ Поликарпыч, – заржал Сытин. – Хватит парня пугать. Он уже осознал. Осознал, Немой, что не надо хер пихать, куда попало?

Вот же гад, а?! А ещё про должок говорил. Ну, я тебе припомню должок!

Мы вышли из амбулатории. Я с удивлением втянул в себя запахи яблоневого сада. Надо же! Оказывается, не на всём белом свете трупами воняет!

– Ни хрена я не понимаю, Немой! – огорчённо признался Сытин. – Много, чего повидал, а с такой хернёй столкнулся впервые. И разбираться с ней придётся срочно. Такие вещи я задницей чую. А я ещё с тобой не разобрался. Твои предложения?

Я пожал плечами. На кой хрен ему со мной разбираться?

Огненная змея куда интереснее!

– Ладно, идём! – решительно сказал Сытин.

Мы прошли через княжеский сад и вышли к воротам. Сторож зорко взглянул на нас и открыл тяжёлый железный засов калитки. Через калитку мы вышли на рыночную площадь. Стоящие возле ворот охранники не обратили на нас никакого внимания.

Свобода – она всегда свобода! В груди шевельнулось давно забытое радостное ощущение. С такой радостью я выходил за ворота военной базы, когда выпадала увольнительная в город. Пивка попить, девочку снять, начистить рыло задиристому гражданскому! Золотые деньки, бля!

– Значит, так, Немой! – сказал мне Сытин. – Предлагаю договориться. Поживёшь у меня в доме. Поможешь по хозяйству. А я, как будет время, попробую разобраться – как ты попал в наш мир, откуда в тебе магия, и всё такое. Если не согласен – вот тебе город, вали на все четыре стороны. Уговаривать тебя мне некогда, сам видишь. Только не вздумай воровством заняться! Тогда я тебя непременно отыщу. Изпод земли достану, а потом упручу – глубже некуда! Понял?

Я подумал и кивнул.

– Так что выбираешь? – требовательно спросил Сытин.

А что тут выбирать? Хотел найти место в новом мире – вот оно, место. На блюдечке предлагают.

Я ткнул рукой в грудь Сытина.

– Значит, договорились, – сдержанно сказал Сытин.

Но было видно, что он обрадовался.

– А теперь пойдём в тюрьму! – неожиданно заявил Сытин. Э, бля?! Что за херня? Мы же, вроде, договорились!

Я споткнулся на полушаге и чуть не рванул в толпу.

– Надо повидать жену того бедолаги, – объяснил Сытин. –

Вдруг расскажет что-нибудь интересное. А ты что подумал, Немой?

А то ты не знаешь, шутник хренов!

Городская тюрьма для обычных преступников находилась в кирпичном здании на другой стороне площади. Наверное, чтобы палач не устал шастать туда-сюда. Такая забота о государственных служащих подкупала. Тоже, что ли, на службу к князю напроситься? Тем более что мы теперь знакомы, и награду я успел заслужить.

Вообще, Старгород, несмотря на статус столицы княжества, оказался довольно компактным городом с обширными одноэтажными пригородами.

Мы обошли стороной галдящий на разные голоса рынок. Я заметил, что многочисленные встречные все, как один, здоровались с Сытиным. Он в ответ небрежно кивал, не отвлекаясь от своих мыслей.

На стук в железную дверь долго никто не отзывался. Наконец, нам открыл заспанный безоружный вояка. Его суконный кафтан нараспашку был покрыт грязными пятнами, под ним виднелась голая волосатая грудь.

Узнав Сытина, вояка попытался встать навтыжку. Получилось у него хреново, но попытку я оценил. Сытин же только поморщился, плечом оттолкнул воина и быстро вошёл в сырой коридор. Я шагал за ним.

Сырой пол неприятно охлаждал босые ноги.

«Надо было у князя сапоги попросить» – ни с того, ни с сего подумал я.

– Степан! – громко позвал Сытин.

В конце коридора хлопнула дверь. Из неё, не торопясь, вышел здоровенный мужик с длинными, как у обезьяны, волосатыми руками.

– А, Василий Михалыч! – басом прогудел мужик.

– Здорово, Степан! – кивнул ему Сытин и повернулся ко мне. – Знакомься, Немой! Это Степан – городской палач. Профессионал, энтузиаст своего дела.

Палач протянул мне широченную, как совковая лопата, ладонь. Я осторожно пожал её. Он придержал мою руку в своей, наклонился и с интересом спросил:

– Немой? Язык рвали, или резали?

Я отчаянно замотал башкой.

– С рождения он такой, – сказал Сытин.

И ни хрена не с рождения!

– А-а-а, – протянул Степан и потерял ко мне всякий интерес. – Василий Михалыч, верёвка новая нужна для дыбы! Старая совсем сгнила от сырости. Позавчера узник упал,

чуть не покалечился!

– А почему ты мне об этом говоришь? – строго спросил Сытин. – Где начальник тюрьмы?

– Так он спит пьяный! – пожал широченными плечами Степан. И с надеждой спросил:

– Разбудить?

– Не надо.

Сытин досадливо сплюнул на пол.

– Василий Михалыч, я верёвку и за свои деньги могу купить, но не дело это, – продолжал Степан.

– Не дело, – согласился Сытин. – Ладно, я разберусь. Степан!

– А?

– Помнишь женщину, которая мужа отравила? Приведи её в допросную

– Сейчас, Василий Михалыч!

Степан, не торопясь, зашагал по тёмному коридору.

Я проводил взглядом его могучую сутулую спину и вслед за Сытиным вошёл в допросную.

– Кругом бардак, Немой! – пожаловался мне Сытин, сядя на скрипучий табурет. – Людей не хватает, времени не хватает порядок навести! Хоть разорвись, блядь!

Я молча кивнул и прислонился к стене.

В дверь осторожно постучали. Степан ввёл полумёртвую от страха женщину лет тридцати пяти. Её глаза глубоко за-

пали, волосы были растрёпаны. Она безвольно опустилась на подставленный Степаном табурет и уронила голову.

– Били её? – отрывисто спросил Сытин.

– Нет, – прогудел Степан, – попользовать хотели, но я не дал.

– Ясно. Ну, выйди пока.

Женщина сидела неподвижно.

– Как тебя зовут? – спросил Сытин.

– Марья, – еле слышно отозвалась женщина.

– Мужа отравила?

– Отравила, – эхом откликнулась она.

– А за что?

Марья молчала.

– Ладно, – невозмутимо продолжал Сытин. – А чем травила? Где яд взяла?

Снова тишина.

– Степан! – чуть повысил голос Сытин.

Женщина вздрогнула.

– А? – в дверь просунулась голова Степана.

– Воды ей принеси.

– Так я уже!

Степан боком зашёл в допросную и поставил на стол кувшин и стакан.

Сытин поднялся из-за стола, налил в стакан воды и протянул женщине.

– Пей, Марья!

Марья схватила стакан и стала жадно, захлёбываясь, пить.

– Ей что, воды не давали? – строго спросил Сытин у Степана.

– Откуда же я знаю, Василий Михалыч? – пожал плечами палач. – Разве я могу один за всем уследить?

– Не травила ты мужа, Марья, – мягко сказал Сытин, когда Степан вышел.

– Отравила! – упрямо прошептала Марья.

– Он сам помер, – равнодушно продолжал Сытин, не обращая на неё внимания. – Заболел, весь высох. А потом помер. Так?

– Нет, отравила! – упрямо сказала женщина.

– Хочешь на виселицу? – спокойно спросил её Сытин. – А дети с кем останутся?

Женщина мелко, часто задрожала.

– Ох, и дура ты, Марья, ох, и дура! Испугалась, что соседи о болезни мужа узнают и дом сожгут, так? Чтобы хворь на них не перекинулась? Детей-то куда дела?

– Они дома, – глухо сказала женщина. – Старший за маленькими приглядывает.

– Ясно. Значит, слушай меня, Марья. Расскажешь мне, куда твой муж ходил перед болезнью, что делал. Подробно, всё, что вспомнишь. А потом пойдёшь домой, к детям. Поняла? Болезнь у него была плохая. Но не заразная.

Женщина с надеждой вскинула голову.

– Не вру, – строго сказал ей Сытин. – Но и ты меня не обманывай.

– Плотничал он. Когда работы не было – собирал в лесу мёд и продавал на рынке. А две недели назад пришёл без мёда. Сказал, что сильно устал, сразу спать лёг. А утром не встал.

– Куда ездил за мёдом?

– В Комариную чащу. Три дня в лесу пропадал. И вот, вернулся...

– Он старшего сына брал с собой?

– Брал иногда. А в тот раз не взял.

Марья беззвучно заплакала.

– А только всё равно я его отравила, – вдруг сказала она сквозь слёзы. – Он мучился очень, кричал, яду просил. Я и дала. Дети плакали...

– Ты этим своих детей спасла, – строго сказал ей Сытин. – И себя.

Он подумал и добавил:

– А, может, и ещё кого. Что мужу дала?

– Беладонну.

– Ясно, – разочарованно вздохнул Сытин. – Значит, беладонна их не берёт. Запомни, Немой!

Я кивнул. Ни хрена себе следствие!

– Степан! – снова позвал Сытин.

Палач приоткрыл дверь.

– Накорми её, дай ей воды умыться. А потом отвези домой, только сам. На вот тебе денег на повозку. И новую верёвку обязательно купи. После сразу возвращайся – у тебя сегодня работы много будет.

Сытин протянул палачу несколько серебряных монет.

– Понял, Василий Михалыч! Всё сделаю.

Степан осторожно помог женщине подняться с табурета и повёл к двери.

– погоди! – окликнул их Сытин. – Марья, ты где живёшь-то? Сына твоего мне надо расспросить.

– На Плотницком конце, третий дом от ручья, – ответила женщина.

Сытин махнул рукой.

– Уводи! Идём, Немой!

Я с удовольствием выпрямился, только сейчас чувствуя, как от холодной стены заледенела спина.

Мы вышли из тюрьмы. У ворот по-прежнему скучал вояка в расстёгнутом грязном кафтане.

– Как зовут? – проходя мимо, спросил его Сытин.

– Крюк, – ответил тот.

– А имя?

– Прошка... Прохор!

– Женщину, которая мужа отравила, ты задержал?

– Нет, Косой с Митькой!

– Ясно. Слушай внимательно. Как сменишься – найдёшь Косого и Митьку. Скажешь, чтобы шли к палачу. Пусть ска-

жут, что им полагается по десять кнутов без пощады – за то, что женщину не расспросили и не доложили. Потом разбудить начальника. Ему двадцать кнутов – за бардак. Если выживет – отвезите в княжескую тюрьму, сдайте Никите Ильичу. Утром я нового начальника пришлю.

Сытин помолчал, глядя на побледневшего Прошку.

– Ну, и тебе десять кнутов – за то, как службу несёшь. Запомнил?

Прошка молча кивнул. Его толстый нос покрылся каплями пота.

– Не перепутай, – сказал Сытин. – Я проверю.

Мы вышли за ворота тюрьмы.

– Эх, хорошо! – с наслаждением потянулся Сытин, глядя на низко висящее солнце. – А пойдём-ка, Немой, пожрём! Заслужили мы с тобой по миске щей с мясом, или нет?

Он ухватил меня за рукав и почти бегом потащил в кабак, который стоял здесь же на площади.

На удивление, вокруг кабака не валялись пьяные. Да и внутри было чисто и тихо. Мы сели за дальний стол.

– Водки, солёных огурцов и две миски щей с говядиной! – потребовал Сытин у подбежавшего слуги.

– Щей с говядиной нет, – ответил тот. – Постный день.

– Ах ты, – Сытин хотел выругаться, но сдержался. – Ну, тащи, что есть! Только быстрее!

– Сейчас, Василий Михалыч!

Слуга убежал в кухню.

Через пару минут на столе стояла водка в холодном кувшине и огромное блюдо с солёными огурцами и неровно нарезанным хлебом.

Сытин разлил по стаканам.

– Давай, Немой! Для аппетита!

Водка обжигающим комком провалилась в желудок. Я хрустнул огурцом. Он был крепкий, в меру солёный, пах чесноком и смородиновым листом. Вкусотища!

Слуга притащил поднос с двумя мисками, над которыми клубился пар.

– Это что за хрень? – спросил Сытин, понюхав.

– Французские щи! Фирменное блюдо! – ответил слуга. – Специально для постных дней.

– Пойдёт! Давай по второй, Немой!

Мы выпили и принялись жадно хлебать горячие щи. Мелкая косточка хрустнула на моих зубах, но я не обратил на это внимания. Переварится!

– Бля! Это что такое?! – вытаращив глаза, спросил Сытин.

Двумя пальцами он брезгливо держал варёную лягушачью лапу с перепонками.

– Суки, а?! Лягух они людям подсовывают! – возмутился Сытин, выходя из разгромленного кабака.

За нашими спинами расстроенный слуга приколачивал к покосившейся двери табличку с надписью «Ремонт».

На краю площади стояла двухколёсная тележка, запряжённая гнедой лошастью. На тележке скучал широколицый бородатый мужик. Сытин махнул ему рукой.

– Поехали, Немой!

– Куда везти? – хриплым голосом спросил мужик.

– В Плотницкий конец, третий дом от ручья. Знаешь?

– К Машке-убийце, что ли? – оживился мужик. – Знаю!

Он хлопнул вожжами по широкой лошадиной спине.

– Пошла, родимая!

Лошадь неторопливо тронула тележку.

Сытин с досадой сплюнул на деревянную мостовую. За пазухой у него что-то громко звякнуло. Сытин сунул руку под кафтан и вытащил зеркальце в тонкой серебряной раме. Провёл пальцем по стеклу и сказал:

– Да, Михей? Ты уже в городе?

Зеркальце неразборчиво забулькало в ответ.

– Красава! – сказал Сытин. – Грибов Никите Ильичу привёз? Ну, как отдашь – дуй в Плотницкий конец, третий дом от ручья. Там встретимся. Всё, давай!

Он снова провёл пальцем по стеклу и убрал зеркальце за пазуху. Потом хлопнул мужика по спине.

– Давай-ка побыстрее! Хрен ли ты, как на похоронах плетёшься?

– А куда торопиться? – возразил мужик. – Машка, один хрен, в тюрьме. А избу её сожгут сегодня, если уже не сожгли. Эх, детишек жалко.

– Это с какого хера сожгут? Жалко ему! Гони быстрее, жалостливый! – заорал Сытин и врезал мужику по спине кулаком.

Тележка неслась, бренча и подпрыгивая на бревенчатой мостовой. Потом повернула так круто, что мы чуть не вывалились на хер! Я навалился на край, и бешено крутившееся колесо чиркнуло ободом по моей щеке, содрав кожу.

– Тормози, блядь! – бешено заорал Сытин.

Мужик изо всех сил натянул вожжи, пытаясь остановить разгорячённую лошадь.

– Тпр-ру! Тпр-ру! Да стой ты, зар-раза! – хрипел он.

Лошадь ржала и вскидывала передние ноги, молотя в воздухе копытами.

– Падлы, бля! – крикнул Сытин и выскочил из тележки. Я выпрыгнул вслед за ним.

Глава 6: Шпионы и призраки

Двое крепких мужиков тащили из избы на крыльцо огромный деревянный шкаф. Пыхтели, матерились и спотыкались, но упорно спускали по ступенькам здоровенную тяжёлую громадину. Шкаф угрожающе раскачивался.

Ещё один, закусив губу, хозяйственно выковыривал топором оконную раму. От рамы с треском откалывались жёлтые щепки, стёкла тонко звенели.

Во дворе стояла телега, доверху нагруженная разным барахлом – посудой, подушками, одеждой.

На траве возле телеги, раскинув руки, лежал парнишка лет тринадцати. Его лицо было в крови. К нему прижались две девчонки. Они выли в голос, обхватив брата ручонками. Мужики не обращали на них внимания.

Ну, суки!

Сытин на бегу выдернул из ножен шпагу. Мужик с топором, замахиваясь, бросился ему наперерез. Сытин уклонился и плашмя огрел мужика клинком по башке.

Я сбоку запрыгнул на крыльцо и от души врезал тому, что постарше, по почкам. Он охнул, выпустил шкаф из рук и схватился за бок. Шкаф качнулся и грохнулся прямо на его приятеля, повалив того на землю.

Бинго, блядь!

Не теряя времени, я добавил уроду коленом по яйцам. Он

скорчился, а я от души пнул пяткой в волосатое ухо. Готов!

Мужик с топором всё ещё наскакивал на Сытина. Сытин, вытянув руку со шпагой, держал его на расстоянии, норовя рубануть по рукам и плечам. Треуголка слетела с него и валялась на земле.

Какого хера ты с ним возишься? Ткни в живот, и всё!

Живым хочет взять, понял я.

Окно распахнулось, из него высунулась бабья голова и за-верещала на всю улицу:

– Убива-а-а-ают!

Затем баба метко швырнула в голову Сытина глиняный горшок.

Сытин успел уклониться, но шпага в его руке дрогнула. Мужик с топором бросился вперёд и горлом напоролся на остриё. Глаза его выкатились. Из-под бороды на рубаху потекла тёмная струйка. Мужик выронил топор, засипел и осел на траву.

– Сеня-а-а-а! – визжала баба.

Я опрокинул шкаф на второго «грузчика», который не вовремя зашевелился и куда-то пополз. Край тяжёлой полки херакнул мужика прямо по затылку.

Бля!

От ворот к нам бежали Степан с Марьей.

Марья упала на колени возле детей и принялась тормошить сына. Девчонки с рёвом повисли на матери.

Сытин тоже подбежал к ним.

– Живой? – он наклонился к парню. – Ну, слава богам!

Степан! Вяжи этих!

Палач быстро скрутил обоих «грузчиков». Тот, на которого грохнулся шкаф, мотал башкой, пытаясь прийти в себя. Второй двумя руками держался за яйца. Увидев палача, они здорово перетрухали.

До кучи Степан примотал к ним и скандальную бабу, которую выволок из избы за шкуру. Баба визжала, извивалась и норовила укусить Степана за руку. Только когда Степан подтащил к ним труп её мужа, баба успокоилась и негромко завывала:

– Детки, детки мои с кем останутся?

– Немой! – крикнул Сытин. – Помоги занести парня в дом!

Он подхватил паренька под мышки. Я взялся за ноги. Вдвоём мы подняли его на крыльцо и внесли внутрь. Марья с девочками шла за нами. Положить парня было некуда – грабители вынесли всё подчистую, даже лавки. На полу валялась битая посуда, тряпьё и сломанная деревянная лошадка с одним колесом. Увидев разгром, Марья охнула и схватилась за сердце.

– Кладём на пол! – скомандовал Сытин. Огляделся и добавил:

– Вот суки! У своих же тащат!

Он высунулся в окно и крикнул:

– Степан, покарауль их пока!

– Ты знаешь этих мужиков? – спросил Сытин у Марьи.

– Родня мужа, – глухо ответила Марья. – Его отец и братья.

– Понятно. Баба, значит – жена одного из братьев?

– Да. Семёна, которого ты заколол.

– Ну, что я тебе могу сказать, Марья. Охрененную родню ты себе нашла. Есть куда уехать?

– К своим, в деревню если только. В Лопухинку.

– Ох, бя! Как не вовремя всё! – Сытин взялся за подбородок.

В избу, небрежно стукнув кулаком по двери, вошёл бритый наголо здоровяк с детской улыбкой на круглом щетинистом лице. Он был одет в чёрный кафтан нараспашку, чёрные кожаные штаны и высокие сапоги.

Бля, все в обуви, как люди, один я – босиком! Голодранец ты, Немой!

– Опоздал я, Василий Михалыч? – виновато улыбаясь, спросил здоровяк у Сытина.

– Михей! – просиял Сытин. – Не опоздал, наоборот! У тебя лошадь свежая?

– Да, сменил на княжеской конюшне, – ответил Михей.

– Проводишь бабу с детьми в Лопухинку к родне? Тут недалеко.

– Мне бы помыться, Василий Михалыч! Сестра баню на-

топила.

– Утром вернёшься – и парься, сколько угодно! День отдыха тебе дам.

– Ладно, – вздохнул Михей. – Долго им собираться?

– Да они собраны уже, – ответил Сытин. – Телегу во дворе видел? Сейчас мы с парнем переговорим, и поедете. Как там сын, Марья?

Пока Сытин разговаривал с Михеем, Марья сбегала к колодцу, намочила тряпку и сейчас оттирала кровь с лица сына.

– Ничего, живой, – ответила она.

Парня звали Ильюхой. Сытин быстро расспросил его о поездках с отцом в Комариную чашу. Тот подробно рассказал, какой дорогой они добирались, где искали деревья с пчелиными дуплами.

– Ты что-нибудь необычное замечал хоть раз? – спросил его Сытин.

Но ничего необычного парень не видел. Лес, как лес. Пчёлы, как пчёлы.

– Мёд, как мёд, – передразнил его Сытин. – Ладно, Ильюха! Молодец, что за отцовский дом вступился, не струсил. Марья! Князь у тебя покупает дом. Вот, держи!

Сытин протянул женщине две золотые монеты.

– Лошадь и телега тоже теперь ваши. Тем более что в телегу ваше барахло погружено. Поезжайте сейчас в Лопухинку,

утра не ждите. Михей вас проводит. С ним ничего не бойтесь. Идём, Немой!

Мы с Сытиным вышли на улицу. Пленники так и сидели на траве возле бревенчатой стены дома. Рядом, настезь распахнув щербатый рот, лежал труп убитого Сытиным мужика. Баба уже перестала выть и только вытирала слёзы кулаком. Над ними, подперев могучим плечом стену, возвышался Степан.

– Ну что, хозяйственные вы мои! Не понравилось вам, значит, что чужое добро без присмотра лежит? – спросил у них Сытин.

– Какое же оно чужое? – с ненавистью спросил Сытина мужик постарше. – Это моего сына добро! Машка, стерва, отравила его! Я до князя дойду!

– Дойдёшь, непременно, – зло засмеялся Сытин. – Деньги за дом принесёшь. Две золотые монеты, и пять серебряных. И только попробуй за неделю не отдать.

– На кой хрен мне этот дом? – заорал мужик.

– А я откуда знаю? – равнодушно пожал плечами Сытин. – Хочешь – сожги, а хочешь – музей устрой.

Мы поглядели, как гружёная телега выезжает со двора. Рядом с ней верхом ехал Михей. Он что-то весело рассказывал Ильюхе. Пацан уже улыбался, одной рукой держась за побитую щёку, а в другой сжимая вожжи.

– Слушай, Немой, – спросил Сытин, – и на кой хер мы с тобой в такую даль пёрлись, на ночь глядя? Ведь не узнали

же ничего.

Я проснулся в настоящей кровати. За приоткрытым окном на разные лады верещала какая-то скандальная птица. Похоже, она воображала себя не в рот ипенной певичей. А может, ей просто наступили на хвост.

Я сел, спустил ноги на пол и потянулся. Охрененно-то как!

Птица испугалась, громко вькнула напоследок и улетела. Закачалась опустевшая ветка яблони. Я почувствовал, что улыбаюсь до ушей.

Потом я увидел, что на стуле лежит чистая одежда и заулыбался ещё больше. Вскочил с кровати и мигом натянул на себя штаны и рубаху. А это что? Охренеть! Сапоги!

Мягкие кожаные сапоги были на пару размеров великоваты. Но я разорвал свою старую рубаху и намотал на ноги портянки.

Зашибись, бля! Как же я по обуви соскучился!

Я притопнул каблуками. Да, таким сапогом в башку зарядишь – мало не покажется!

Ну что, Немой? Жизнь-то налаживается, а?

Я распахнул окно.

Двухэтажный кирпичный дом Сытина со всех сторон окружал небольшой двор. Позади дома двор был засажен яблонями и смородиной. Со стороны фасада – это я запомнил

вчера – был только газон. Через него от ворот до входной двери вела мощёная камнем дорожка.

Окно моей комнаты выходило на заднюю сторону фасада. Сквозь густые яблоневые ветки я увидел выкрашенный белой краской дощатый забор, а за ним – вымощенную брёвнами улицу. Вдоль улицы были разбросаны двухэтажные дома – бревенчатые и кирпичные.

На другой стороне улицы стоял человек. Он внимательно смотрел на окна Сытинского дома. Встретившись со мной взглядом, человек отвёл глаза и торопливо пошёл по улице. Выглядело это так, словно он случайно остановился напротив дома.

Ага, так я и поверил! Хер тебе по всей морде!

Я высунул башку в окно и постарался, как следует, разглядеть этого грёбаного шпиона. Но запомнил только черную жилетку, надетую поверх серой рубахи и смешную войлочную шапку на голове.

Я закрыл окно и вышел из комнаты. Стукнул в дверь комнаты Сытина, но никто не отозвался. Я поднажал – дверь была заперта. Где его черти носят с утра пораньше?

Я пожал плечами и по деревянной лестнице спустился вниз. Насколько я смог запомнить, внизу были столовая и кухня. А кухня – это такое место, где можно найти что-нибудь пожрать.

Посреди столовой стоял здоровенный внушающий стол,

покрытый серой льняной скатертью. На скатерти лежала записка.

«Ушёл в библиотеку. Вернусь к обеду. Захочешь пожрать – спроси у бабули».

Я оглянулся, но никакой бабули не обнаружил. Зато через окно увидел во дворе турник и деревянные брусья.

Ага!

Что, Немой, проверим – на что ты годишься?

Я толкнул тяжёлую входную дверь и выбежал во двор. Первым делом повис на перекладине. Раз, два, три...

Я смог подтянуться только пять раз. Сколько ни дёргался, раскачиваясь и колотя ногами – больше не получилось. Да, слабовато!

Соскочил на землю, принял упор лёжа и начал отжиматься. На четвёртом десятке руки задрожали. Я через силу толкнулся ещё два раза и упал грудью на сырую холодную траву.

Да уж, бя! На брусьях мне пока делать нечего. Тут, минимум, полгода себя в форму приводить. Хорошо, хоть тело мне досталось тощее и жилистое. Херня, прорвёмся!

– Что-то дохловат ты, как я погляжу! Плохо жрал, что ли? – насмешливо сказал надо мной чей-то голос. Он напоминал голос Сытина, но звучал старше, в нём слышались дребезжащие нотки.

Я вскочил с травы и оглянулся. Рядом никого не было.

Э, что за херня?!

Над самым ухом раздался довольный кудактающий смех.

– Перепугался, милоч? Эвон, как ты башкой-то крутишь!

Я быстро отпрыгнул в сторону и резко выбросил кулак в воздух.

Смех стал громче.

– Скачешь, чисто как обезьяна! Я в Индии на этих обезьян насмотрелся в молодости. Слушай, а ты ногами драться умеешь?

Я выбросил ногу вперёд, целясь в направлении голоса, и чуть не шлёпнулся на траву.

– Ничего так, – одобрительно сказал голос, смещаясь влево. – Техника слабовата, но это мы поправим. Я Ваську сколько раз пытался научить – ни фига не вышло. Тут показывать надо, словами не объяснишь. А как я покажу?

Голос всё время двигался вокруг меня, стараясь зайти за спину. Я, сжав кулаки, поворачивался вслед за ним.

Да что это за херня-то такая, бля?!

В какой-то момент я увидел лёгкое движение воздуха и ткнул туда кулаком. Но опять ничего не почувствовал.

– Ты чего переполошился-то? – спросил голос. – Васька тебе ничего не сказал, что ли?

Ни хрена он мне не сказал, ваш Васька! Опять пошутить решил!

– Прадед я его, Михаил Василич, – сказал голос и замол-

чал.

Прадед? Охереть!

Ну, и что мне теперь делать?

– Ты чего молчишь? Охренел? – строго спросил голос.

Угадал прадед!

– Тебя-то как зовут? Или вежливости не учили в детстве?

Ну, вот, начинается!

Я повернулся лицом к голосу и замычал, показывая руками на рот.

– Немой, что ли? А Васька нас не предупредил, стервец!

Ну, я ему устрою, как вернётся!

Вас? То есть, этот прадед тут ещё и не один?

Я вспомнил, что в записке говорилось про какую-то бабулю.

– Ладно, Немой, не грусти! – сказал прадед. – Я баньку натопил. Любишь в бане париться?

Да хер его знает, если честно!

Но на всякий случай я закивал.

– Ну, вот, – одобрительно сказал прадед. – Давай, двигай за дом. Баня там.

За углом дома, и правда, стояла низенькая баня с высокой трубой. Дверь приглашающе открылась.

– Давай, раздевайся! Я тебя попарю, – сказал голос. И добавил с грустью:

– Сам-то я жара не чувствую.

Я стащил сапоги, скинул одежду и сложил её на лавке. Помедлил и нырнул в маленькое, жарко натопленное помещение.

Ух и жарища!

– Лезь на полок! Сейчас пару поддам!

Я увидел, как деревянный ковшик взмыл в воздух и нырнул в таз с горячей водой, в которой запаривался веник. А затем вода из ковшика сама собой выплеснулась на раскалённые камни.

Баню заволокло душистым паром. Накатила такая волна жара, что я чуть не спрыгнул с полка!

В клубах пара я увидел переливающуюся прозрачную фигуру. Она взяла из таза мокрый берёзовый веник и встряхнула. Во все стороны полетели горячие брызги.

– Ложись, парить буду!

Веник легко прошёлся над моей спиной, захлопал по лопаткам и пояснице. Потом начал хлестать всё сильнее и сильнее, обдавая жаром! Спина зудела и ныла. Горячий сухой пар обжигал кожу.

Я не выдержал, вскочил. Выхватил у призрака веник и начал хлестаться сам, оставляя на коже красные полосы!

Ух, хорошо!

Ковшик зачерпнул из бочки, подлетел ко мне и от души плеснул холодной водой на разгорячённое тело.

А-а-а, бля! Красота!

Мыча от удовольствия, я вылетел в предбанник.

– Одевайся, и бегом в дом! – сказал голос. – Бабка блинов напекла, нюхом чую.

Я взбежал на высокое крыльцо и пошёл в столовую
– Сапогиними! – строго сказал в спину голос. – У бабки в доме чисто!

Я с сожалением стянул сапоги. Так не хотелось с ними расставаться, хоть плачь!

– Миша, ты совсем парня замучил! – раздался из кухни женский голос. – У меня блины стынут!

– Мы в бане парились, Дуня! – поспешно откликнулся Михаил Василич. – Надо было Немого отмыть, как следует.

– Не выпивали там? – с подозрением спросила женщина. – Смотри у меня! И что это ты его немым дразнишь?

– Так он немой и есть, Дуня! Не говорит парень совсем!

– Ох, ты! Ну, ничего! Больше блинов съест, раз болтать не может.

Из кухни по воздуху выплыла деревянная тарелка с горкой дымящихся блинов. Рядом летела миска, полная густой сметаны, в которой стояла деревянная ложка.

– Кушай, внучек! – ласково сказала тарелка, становясь на стол. – Меня бабой Дуней зовут. А можно просто бабушкой.

Я вежливо замычал, глядя на тарелку.

– А меня Михаил Василич! – строго сказал прадед. – Понял? Не вздумай дедом Мишей звать! Даже мысленно! Я услышу!

– Миша, хватит мальчика пугать! Дай ему поесть спокойно! – вступилась за меня баба Дуня.

Я ухватил с тарелки поджаристый блин и глубоко макнул его в сметану. За ним второй и третий. Через минуту тарелка опустела. Я виновато покосился в ту сторону, где по моим расчётам стояла баба Дуня.

– Не наелся, внучек? – спросила она. – Сейчас ещё принесу.

И в этот момент со двора раздался громкий стук. Кто-то колотил в створку ворот.

– Кого там принесло? – проворчал дед Миша.

Да! Будешь дедом Мишей! И только попробуй мои мысли читать! Колдунов развелось – плюнуть некуда!

– Пойди, да посмотри, Миша! – сказала баба Дуня, подкладывая мне в тарелку ещё один блин.

– Я что, самый молодой, что ли? – возмутился дед Миша.

– Дай мальчику поесть! Куда он босиком побежит? Простудится ещё.

Спасибо, баб Дунь!

В ворота заколотили так, что они чуть с петель не слетели.

– Ну, я вас! – раздражённо выкрикнул Михаил Василич.

Дверь столовой хлопнула. Видно, дед не утерпел и отправился на разборки.

Я вскочил со стула и подскочил к окну. Калитка сама собой открылась. Во двор быстрым шагом вошёл Михей. Да

каким там шагом! Он просто бежал. На бегу Михей что-то оживлённо говорит и махал руками.

Видать, с дедом Мишей объясняется.

Со стороны это выглядело охрененно смешно.

Запыхавшийся Михей вбежал в дом.

– Немой, слава богам, ты здесь! До Сытина не дозвониться – зеркальце вне зоны доступа!

– Я же тебе говорю – в библиотеке он, – встрял дед Миша. – Там стены толстые, намоленные – магию глушат.

Запомни, Немой – с магией здесь борются молитвами.

Офигенный мир, чо!

– Да знаю я, дед Миша! – отмахнулся Михей.

– Какой я тебе дед Миша? – закипятился прадед Сытина. – Я деду твоему в деды гожусь!

– Прости, Михаил Василич! Дело срочное! Немой, у меня сестра пропала!

Глава 7: Глаз кузнеца

Я быстро обулся.

– Может, Ваську подождёте? – ворчливо спросил прадед. – Он хоть и молодой, но в этих делах шарит, будь здоров. Моя кровь!

Интересно, прадед Сытина тоже в тайной страже служил? И что это вообще за тайная стража?

– Некогда, дед Миша! – отмахнулся Михей. – Я сам за ним в библиотеку забегу. А если он раньше выйдет – так увидит мой пропущенный.

Прадед опять гневно фыркнул, но сдержался.

– Да ты расскажи толком, что случилось, Михей! – попросил он. – Вдруг вы с Васькой разминётесь? Начнёт он нас спрашивать, а мы ему что расскажем?

Любопытно тебе, так и говори прямо! А то мутит воду.

– Глашка с утра на рынок пошла, – сказал Михей. – Рыбы свежей хотела купить на пирог. И до сих пор не вернулась.

– Так, может, она рыбу выбирает? – проворчал прадед. – На пирог не всякая рыба сгодится! Я вот помню...

– Помолчи уже! – перебила его баба Дуня. – Дай Михею договорить!

– Я весь рынок уже обошёл, дед Миша! С утра видели её – рыбу покупала. А куда потом делась – никто не знает. И магический маячок у неё не работает.

– А зеркальце? На зеркальце ты ей звонил? – спросила баба Дуня.

– Первым делом, баб Дунь. Только зеркальце она дома забыла.

– К любовнику девка пошла, точно говорю! – заявил прадед.

– С рыбой? Не смейся, старый! – отрезала баба Дуня.

– А что? Я вот помню...

– Что ты помнишь? Ну, рассказывай! – ласково спросила баба Дуня.

– Да ничего! Это до тебя ещё было!

Мы с Михеем вышли за ворота.

– Немой, ты ещё раз рынок обыщи. Вдруг увидишь где-нибудь Глашку. А я побегу в библиотеку. А то Василий Михалыч там до вечера просидеть может, если его не вытащить.

Я остановился и замычал, мотая головой.

– Что? – не понял Михей.

Бля, да как же тебе объяснить-то?

Я, мыча, показал на его лицо, а потом на свои глаза.

Михей напряжённо нахмурился, потом просиял.

– Точно! Ты же Глашку никогда не видел!

Я закивал. Сообразил, бля!

– Ничего, у меня её фотография есть в зеркальце. Сейчас покажу.

Михей вытащил зеркальце, провёл пальцем по стеклу, по-

том стал быстро листать.

– Так, вот, вроде! А нет, это не то!

Он быстро отдёрнул зеркальце, но я успел увидеть изображение какой-то голой девки. Девка соблазнительно изгибалась и пальцем манила кого-то через стекло.

– А, вот! Смотри, Немой!

Из зеркальца на меня глядела задорная темноглазая деваха с копной курчавых тёмных волос на голове. Она была одета в белый сарафан, вышитый голубыми цветами. Под сарафаном отчётливо выделялась крепкая грудь размера второго, а то и третьего.

Деваха широко и весело улыбалась. Да, такую увидишь – не перепутаешь. Интересно, почему это она курчавая, а Михей – лысый?

Я оторвал взгляд от зеркальца и посмотрел на гладкую голову Михея. Он понял мой взгляд и пожал широкими плечами.

– Жарко просто в шапке. Вот и брею голову.

Я представил курчавого Михея и заржал.

– Что ты ржёшь? – обиженно спросил Михей. – На себя-то погляди – зарос, как йети.

Какие, бля, эти?

– Ты Глашку-то запомнил? – спросил Михей.

Я кивнул. Конечно, запомнил!

– А что это у тебя морда стала, как у мартовского кота? – подозрительно спросил Михей. – Глашка понравилась, что

ли? Гляди! Она не шалава, девка серьёзная! Если что – я тебе ноги выдерну!

Как же, выдернул один такой! А девка, и правда, симпатичная.

Главный рынок Старгорода шумел с утра до вечера. Площадь возле княжеского терема замолкала только на ночь. А на рассвете первые продавцы снова занимали деревянные прилавки. За ними тянулись ранние покупатели.

Не меньше часа я слонялся по рынку, разглядывая товары. Чем тут только не торговали! Свиньями, шерстью, зерном, глиняной и деревянной посудой. На прилавках были навалены горы репы и редьки, стояли бочки солёных грибов и огурцов, кадушки с квашеной капустой.

Издали я увидел княжеского сына. Он с двумя охранниками шёл между прилавков, на которых были грудой навалены рулоны разных тканей – от простой мешковины до расшитого золотыми нитками бархата.

Народ почтительно расступался перед княжичем. Купцы кланялись до земли, зазывали посмотреть товар. Пацан иногда подходил к прилавку, шупал ткань и хмурился, словно взрослый.

Охранники вертели головами по сторонам, отгоняя особо назойливых торговцев.

Возле одного из прилавков княжич Михаил задержался надолго. Купец развернул перед ним рулон тонкого зелёного

шёлка. Шёлк переливался на солнце, словно живой.

Княжич рассматривал ткань и так, и этак. Поднимал глаза к небу, словно пытался что-то представить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.